

УДК 338.001.36
ББК 65.05
Я81

Содержание

Я81 **Ясин, Е.Г.**
Влияние культуры на модернизацию России [Текст] : докл. к XV Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 1–4 апр. 2014 г. / Е. Г. Ясин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 63, [1] с. — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1163-3 (в обл.)

УДК 338.001.36
ББК 65.05

Вместо введения.....	4
1. Была ли Россия отсталой страной	5
2. Феодализм	8
3. Две модели социальной организации.....	13
4. Рывок Европы	22
5. Отличия России от Европы.....	27
6. Великое княжество Московское. Великороссия	33
7. Империя.....	44
8. Советский период.....	52
9. Подводя итоги	54
10. Новая эпоха.....	57
Россия накануне подъема (вместо заключения).....	61
Литература	62

ISBN 978-5-7598-1163-3

© Ясин Е.Г., 2014
© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014

Вместо введения

Настоящая работа, представленная в качестве доклада на XV Международную апрельскую конференцию НИУ ВШЭ, была начата как новая редакция первой главы моей книги 2002 г. «Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ».

Чем дальше шла работа и начитывалась литература, тем больше я уходил от первоначального замысла. Особенно значительные изменения произошли после знакомства с работами Э. Хантингтона и Л. Харрисона, в которых подчеркивалась роль культуры, а значит, и институтов в развитии экономики и общества.

Вышло так, что я потерял надежду в духе этих идей переделать всю упомянутую книгу. Результаты работы мне показалось уместным представить в виде настоящего доклада, посвященного в основном одной задаче — понять исторические и институциональные истоки тех проблем, с которыми ныне сталкивается Россия, начавшая еще в 1861 г. переход к давно победившей в Европе рыночно-сетевой модели экономики. Таким образом, здесь главная тема — как, в отличие от Европы, в России после XII в. развивалась национальная культура, как формировался институт самодержавия в качестве ядра политической системы. И как далее традиции этой системы раз за разом влияли на развитие страны. Понятно, что эта тема привлекала внимание многих исследователей. Я назову здесь имена только В.О. Ключевского; А. Ахиезера, И. Клямкина и И. Яковенко; Ю. Пивоварова и А. Фурсова, Л.С. Васильева, а также Р. Пайпса. Ключевой момент, на который я хочу сразу обратить внимание, — столкновение принципиально различных, хотя и совместимых в определенных условиях структур — иерархии господства и подчинения, характерной для феодализма и бюрократии, — это с одной стороны, а с другой — сетевой рыночной структуры, рожденной в Древней Греции. Она потом возродилась в Европе, сначала в средневековых городах, а затем стала основой развития капитализма и демократии в современном понимании. Эта система институтов породила индустриальную экономику, обеспечила высокие темпы ее развития. Она же способствовала повышению роли науки и ускорению процессов создания и реализации инноваций. По

оценкам Э. Мэддисона и Г. Кларка, объем мировой экономики за последние 200 лет (1800—2003) увеличился в 10 раз, тогда как до этого в течение 3000 лет ощутимого роста не было.

Россия, как я полагаю, вступила в процесс перехода от иерархии к сети в 1861 г., с отменой крепостного права. С тех пор она переживает мучительный процесс трансформации, этапом которой стал и советский эксперимент. Он был начат людьми, убежденными в истинности марксистской теории, утверждавшей развал рыночной экономики и замену ее крупной машинной индустрией. К 70-м годам прошлого века стало ясно, что Маркс ошибся, рыночный механизм не только не исчез, но подтвердил свою роль в развитии и глобализации мировой экономики. Россия смогла положить конец советскому эксперименту и ценной больших трудностей переживает противоречивые процессы возобновления и развития современной рыночной экономики, а также тормозящих это развитие воздействий со стороны давних традиций преобладания иерархии и произвола. Более подробно эти вопросы рассмотрены в предлагаемом докладе.

1. Была ли Россия отсталой страной

Обращаясь к российской истории XIX—XX вв., очень важно понять, были ли объективно обусловлены катаклизмы, пережитые страной за последние 100 лет. Есть ли основания согласиться с тем, что коммунистическая модернизация вырвала страну из отсталости и, выведя ее в сверхдержавы, позволила достичь пика могущества, никогда прежде Россией не достигавшегося? А рыночные реформы 1990-х годов, напротив, привели ее в состояние упадка? Или же справедлива иная гипотеза: перед революцией Россия была динамичной, быстроразвивающейся страной и, не будь этой самой революции, она могла бы добиться куда больших успехов?

Место России в табели о рангах

Оценивая ситуацию в целом, справедливо будет отметить, что перед революцией 1917 г. Россия заметно отставала от передовых стран Западной Европы и США по уровню производства и потребления. В 1913 г. объем промышленного производства был в 2,5 раза меньше, чем во Франции, в 4,6 раза — чем

в Англии, в 6 раз — чем в Германии, в 14,3 раза — чем в США [Ляшенко, 1954, т. 2, с. 220]. Производительность труда была также намного ниже. Годовая производительность одного фабрично-заводского рабочего в России составляла в 1908 г. 1810 руб., а в США уже в 1860 г. — 2860 руб., выше в 1,54 раза уже тогда; в 1910 г. — 6264 руб., т.е. выше уже в 4,5 раза. Надеюсь, пересчеты в рубли сделаны корректно. Производительность труда по добыче угля в натуральных измерителях в России составляла перед войной 60% от английской и 22% от американской.

Структура российской экономики отражала ее аграрный характер: в совокупном объеме продукции крупной промышленности и сельского хозяйства на долю последнего приходилось 57,9%. В составе промышленности на долю металлообработки приходилось 11%, текстильной — 28%, пищевой — 34%. Отечественное машиностроение покрывало потребность в промышленном оборудовании на 38,6% [Развитие советской экономики, 1940, с. 10]. Средняя урожайность хлебов в 1909–1913 гг. была в 2 раза ниже французской, в 3,4 раза ниже германской. Но здесь надо делать поправку на то, что в России экстенсивное направление в сельском хозяйстве обычно было выгодней.

В 1912 г. доля городского населения была меньше 14%, тогда как во Франции — 41%, в США — 42, в Германии — 66 и в Англии — 78%. Тогда это был не только демографический показатель [Ляшенко, 1954, т. 2, с. 220].

В то же время по темпам развития обрабатывающей промышленности Россия в предвоенные годы уступала только США и Японии. В 1911–1913 гг. по сравнению с 1896–1900 гг. среднегодовые темпы (%) составили [Хромов, 1982, с. 220]:

Россия.....	4,8
США	5,2
Германия	4,0
Великобритания.....	1,6
Франция.....	3,5

Япония обогнала Россию по темпам роста промышленности только после 1900 г.

По расчетам Ю.П. Соколова¹, в США за 1860–1913 гг. ВВП на душу населения вырос с 860 до 2500 долл., а в России за те

¹ Sokoloff G. La puissance pauvre. Une histoire de la Russie de 1815 à nos jours. Paris, 1993. P. 787–790; в рус. пер.: Соколов Ю. П. Бедная держава. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.

же годы — с 350 до 600 долл. Но это сравнение только с одной из наиболее динамичных тогда стран. В целом же Россия медленно догоняла Европу, держась от нее все же на весьма солидном расстоянии. По объему промышленной продукции перед Первой мировой войной наша страна входила в число лидеров, занимая пятое место в мире после США, Германии, Англии и Франции. Таким образом, в сравнении с уровнем западных стран Россия отставала, но динамично развивалась. Во всяком случае отставание не увеличивалось.

Бросалось в глаза заметное различие между почти современным промышленным сектором, несмотря на разницу в производительности практически полностью интегрированным в мировую экономику, и огромным аграрным, большей частью находившимся в состоянии крайней отсталости, практически продолжавшим жить в средневековье. Собственно, противоречия между ними стали одной из главных причин катаклизмов XX в.

В современный сектор почти без задержки доходили мировые достижения науки и техники. Машиностроительные заводы Петербурга, Москвы, Риги, текстильная промышленность Московского и Ивановского районов, уголь и металлургия Донбасса, нефть Баку, растущая сеть железных дорог представляли лицо той России, которая доказывала свою способность усваивать и распространять материальные достижения передовой техники и технологии. Зависимость от Запада, безусловно, имела место, иностранные инвестиции играли важную роль в подъеме российской экономики. Но было ли это плохо? Жители Петербурга, Москвы, Варшавы, Одессы получали доступ к новейшим благам цивилизации практически одновременно с жителями европейских столиц. Здания дореволюционной постройки до сих пор являются украшением многих русских городов.

Но сельская Россия, огромное количество провинциальных городов жили еще примерно так же, как 50 лет назад, когда 19 февраля 1861 г. император Александр II издал манифест о крестьянской реформе, об отмене крепостного права. Аграрный сектор был опутан феодальными пережитками. Своиственные предыдущей эпохе институты, такие как община, круговая порука, периодический передел земель, продолжали препятствовать росту производства и развитию свободных рыночных отношений в деревне.

Следует отметить, что и в сельском хозяйстве был уже значительный современный сектор, в основном на Украине, в Черноземном центре; на Дону и Кубани, в Поволжье и Сибири. Но Нечерноземье, Север были преимущественно отсталыми, мало изменившимися со времен отмены крепостного права.

Комплекс неполноценности, обусловленный отставанием страны, стал появляться в России еще в XVII в., до Петра I, когда русские на практике ощутили, что европейцы ушли вперед в промышленности, военном деле, управлении государством. С тех пор стремление ликвидировать отсталость, догнать Европу, жить не хуже стало неизменным побуждением властей и их подданных к реформам и модернизации.

В политико-экономическом мышлении стали складываться два основных течения. Одно — прозападное — стремилось перенести европейские достижения на российскую почву, не всегда с учетом отечественных реалий. Другое — почвенническое — защищало традиции, старалось усмотреть в российской отсталости особость русского пути, превосходство над Европой, где ценности материального благосостояния вытесняли, как казалось, ценности духовные. Эти дискуссии в новых формах, в иных терминах и по иным поводам продолжаются и сегодня. Продолжаются и поиски исторических институциональных и потому, кажется, непреодолимых различий между Россией и Западом.

2. Феодализм

Объяснение отставания

Одно из распространенных объяснений отставания России накануне революции 1917 г. состоит в том, что Россия задержалась на стадии феодализма, тогда как Западная Европа намного раньше стала развивать рыночную экономику, торговлю, промышленность и перешла к капитализму, опережая Россию на 50–100 лет. Такой подход, в частности, характерен для марксистской доктрины с ее теорией социально-экономических формаций. Феодализм — одна из формаций, располагающаяся между рабовладением и капитализмом. Ее особенность — земля как главный ресурс. Землей владеют феодалы, представляющие правящий класс, который выполняет функции воору-

женной силы и управления. Крестьяне прикреплены к земле, но более свободны, чем рабы. Права на землю распределены между сословиями землевладельцев. Революцию 1917 г. эта доктрина рассматривала как закономерное событие в отсталой стране, с большими пережитками феодализма, но все же капиталистической (в итоге крестьянской реформы 1861 г.) и частично подготовленной к следующей формации — коммунизму или социализму как первому его этапу. Феодализм, таким образом, определенная стадия развития, остатки которой мешают развитию на других, более поздних стадиях.

Локальное западное явление

В.О. Ключевский дает иную трактовку феодализма. Он, скорее, рассматривает его как локальное европейское явление, имеющее некоторые общие черты с удельным порядком на Руси, выросшим после Киевского периода. «Это, — писал он, — явления не сходные, а только параллельные». «Для сходства многого не доставало», во всяком случае в отношениях между князьями, их боярами и вольными слугами. Во-первых, соединения служебных отношений с поземельными. Во-вторых, наследственности тех и других [Ключевский, т. 1, 1956, с. 360].

Ключевский имеет в виду, что в Европе для феодализма эпохи его расцвета отношения между сеньорами и вассалами строились на совпадении служебных обязанностей с владением землей. На мой взгляд, это отличительное свойство феодализма как политико-экономического строя, привязанного к аграрной экономике. Оно охватывает основную массу связей между сеньорами и вассалами, но не в каждом отдельном случае. Феодалы для осуществления власти над своими владениями нуждаются в вооруженной силе. Отряды, которые они формируют, оплачиваются либо землей, выделяемой из подконтрольных владений, либо жалованьем. Но средства на жалованье войску феодал может получить только в виде податей от крестьян, живущих на подвластных землях, либо дани — от покоренных государств или племен (как «оседлый бандит», по М. Олсону), либо военной добычи (как «кочевой бандит»). В конечном счете за всеми вариантами стоит земля. Хотя в отдельных случаях даже в зрелых формах феодализма возможны служба вассала у одного сеньора и владение землей на территории другого.

На Руси феодализм зарождался тогда, когда в Европе он уже был зрелым. И первоначально, причем длительно, он отличался свойствами, о которых пишет Ключевский. Обычай составлять отряды из вольных людей уходит во времена древних германцев. У нас он пережил раздробление Киевской Руси и весь удельный период [Пайпс, 2004, с. 71]. Но через 300 лет вотчинники и поместные дворяне как землевладельцы выстроились в сословную иерархию, которая как раз и является главным органическим свойством феодализма.

Р. Пайпс тоже отрицает русский феодализм. Он критикует работы Н.В. Павлова-Сильванского (например, «Феодализм в древней Руси») [Павлов-Сильванский, 1907], в которых строй русского государства XII–XVI вв. признается феодальным. Доказательство Пайпс находит у П.Б. Струве в работе 1929 г., опубликованной в Праге: «Когда они [вольные люди в России] были вассалами, у них не было еще государева жалования, или по крайней мере не было *fiets-terre* (феодов, условных держаний за службу, поместий. — *Е. Я.*), т.е. они сидели главным образом на своих вотчинах (аллодах). А когда у них появились *fiets-terre* в форме поместий, они перестали быть вассалами, т.е. договорными слугами» [Струве, 1929] (цит. по: [Пайпс, 2004, с. 79]).

Здесь же привлекается свидетельство утонченного знатока средневекового землевладения в России проф. С.В. Веселовского, установившего, что первые русские поместья появились в 1470-х годах, в покоренном Новгороде. А до этого было известно землевладение только в форме вотчины (аллода). И Пайпс добавляет: условное землевладение, поместье, было не феодальным, а антифеодальным институтом, созданным абсолютной монархией с целью разгрома «феодальных» князей и бояр.

Я не чувствую себя утонченным знатоком исторических деталей, которые касаются различий в европейских и российских институтах столь давнего прошлого. С точки зрения моих задач эти детали не являются столь существенными, чтобы на их основании прийти к выводу: в Европе был феодализм, а в России — нет. Но этот вывод меня настораживает.

Вот описание русской социальной организации накануне отмены крепостного права, которую приводит А.Г. Вишневский со ссылкой на И.В. Киреевского:

«Большинство населения составляли крестьяне. Крестьянин в России жил как бы в самой глубине социальной матреш-

ки: сам он находился внутри семьи, семья — внутри общины, а уж на семейно-общинном основании возводились все остальные этажи русского общества. В середине XIX века И. Киреевский так рисовал всю его иерархическую структуру: «Семейные отношения каждого были определены прежде его рождения; в таком же предопределенном порядке подчинялась семья миру, мир более обширный — сходке, сходка — вече и т.д., покуда все частные круги смыкались в одном центре, в одной Православной Церкви» [Киреевский, 1979, с. 149].

«Матрешечная» конструкция системы общественных связей по-своему сложна и эффективна. Она позволяет сочетать достаточно жесткое вертикальное соподчинение уровней социальной пирамиды с относительной самостоятельностью каждого уровня (это относится, в частности, к поземельным отношениям: право на пользование землей как бы распределено между уровнями, ни одному из которых она не принадлежит полностью). В силу малых размеров и значительной замкнутости сельской общины, в рамках которой протекала жизнь большинства людей, человек постоянно находился в непосредственном общении и взаимодействии с односельчанами, с сельским «миром», под его постоянным надзором, был связан со всеми взаимной ответственностью, круговой порукой. Такая система отношений предполагает многообразие неравенства, сложную иерархию личных зависимостей. В то же время все отношения персонифицированы, что придает жизни в этой системе «человеческую теплоту», о которой ностальгически вспоминают люди, оказавшиеся в мире городских обезличенных связей» [Вишневский, 1998, с. 19].

Но матрешечная конструкция в описании И.В. Киреевского совсем близко к середине XIX в. — это и есть приукрашенное представление феодальной иерархии со свойственным ей разделением ролей, с натуральными и персонифицированными отношениями. Просто в России, как и в Японии, она выглядит иначе, чем в Европе. Но именно такая система была главным препятствием для развития России в середине XIX в. Пайпс приводит вслед за Марком Блоком другой аргумент — правовое оформление отношений между сеньором и вассалами, характерное для западного феодализма, огромное значение, которое он придавал договору, обязательному и для властителей. Тем

самым западная цивилизация получила нечто, «что мы и по сей день, — пишет Блок, — находим вполне привлекательным»². Цитируя эти слова, Пайпс разъясняет: «Этим нечто, разумеется, было право — идея, которая в свое время привела к учреждению судов, сперва как средства разрешения тяжб между правителем и вассалом, а впоследствии как постоянного элемента общественной жизни» [Пайпс, 2004, с. 76].

Согласен, речь идет, по сути, о принципе верховенства права, составляющего один из важнейших устоев западной цивилизации, один из источников ее глобальных конкурентных преимуществ. Но замечу, что феодализм, несмотря на авторитетные мнения, здесь ни при чем. Принципы права утвердились в античном обществе и заново усваивались на Западе после их возрождения в североитальянских городах, когда там в юридической формализации появилась нужда, например, с развитием земледелия на фоне богатой торговли и финансовой практики окружающей среды.

Объясню свое упрямство в дискуссии с весьма искусными оппонентами. Опираясь на знание важных деталей, они, видимо, хотят показать, что именно благодаря институтам феодализма, которого не знали в остальном мире, в Европе сложились условия для развития капитализма и индустриального рывка, удивившего весь мир. Я придерживаюсь на этот счет другого мнения, которое изложу ниже.

Причина отставания России — феодализм

Но сейчас я хочу повторить свой вопрос: почему Россия отстала? Главным образом? И нахожу ответ, пусть не исчерпывающий, но не менее внятный, чем ответ оппонентов для Европы: из-за феодализма!

Пайпс пишет: «...Можно не без пользы употребить “феодализм” как термин, обозначающий любой строй, характеризующийся политической раздробленностью, частным правом и натуральным хозяйством, основанным на несвободной рабочей силе...». Но «от применения столь широкого термина проку будет немного, если вы, например, хотите узнать, отчего в

² Bloch M. Feudal Society. L., 1964. P. 452.

Западной Европе сложилась система институтов, отсутствующих в других местах» [Пайпс, 2004, с. 73–74].

Соглашусь с уважаемым коллегой: о терминах следует договориться. Тем более что в своих работах он весьма корректно говорит о западном феодализме и никогда — о феодализме в более широком значении. Кстати, абсолютная монархия, как считает Р. Пайпс, институт антифеодальный, ибо он вводил условные держания — феодалы, поместья, чтобы подорвать позиции князей, бояр, графов, более мелких феодалов, чтобы упрочить свою власть, привлекая дворян. Но скорее, думается, абсолютная монархия — тоже определенная стадия феодальной системы, ибо она сохраняет и старается упрочить сословную иерархию господства и подчинения как основную конструкцию феодализма. «Военно-землевладельческая иерархия» — самое точное его определение [Ключевский, т. 1, 1956, с. 361]. Феодал, поместье наиболее адекватны для такой иерархии. С этой точки зрения политико-экономический строй России и Европы в Средние века не слишком различается.

3. Две модели социальной организации

Иерархия и сеть, приказ и договор

Феодализм не единственный строй, предшествовавший капитализму или существовавший в период преобладания аграрного сектора и натуральных отношений. В Китае, в частности, в свое время был феодализм, но примерно за 500 лет до н.э. он был вытеснен на положение уклада, ограниченного распространением. А преобладающей стала бюрократическая система, в которой влияние персон определяется не размером землевладения и не происхождением, а позицией в административной иерархии. Это не феодализм, который представляет сословную иерархию. Но феодализм и бюрократия обладают общим свойством: это иерархия господства и подчинения. Советский режим тоже был такой иерархией. Российский режим поздней империи был более бюрократическим, чем феодальным. Но иерархия их роднит.

Иерархии как типу социальной организации противостоит другая модель — сеть. Например, рыночная структура — это сеть. Ее узлы — агенты, частные собственники — индивиды

или фирмы. Движение по сети не ограничено линиями иерархии. Оно более свободно.

В иерархии линии господства и подчинения предназначены для реализации власти. Она создает одни стимулы для деятельности и подавляет другие. В сети взаимодействия представлены товарными или иными сделками. Стороны сделки равны, по крайней мере формально. Без собственности и равенства сторон сделка невозможна или неполноценна, ибо иначе нет уверенности в ее правомочности. А на рынке это важно. Здесь конкуренция, которая создает свои стимулы, побуждая агентов проявлять активность иную, чем статус в иерархии.

Во главе иерархии стоит правитель. Во главе сети нет никого, никто не требуется. Это принципиально, иначе конкуренция не работает или работает хуже. Отсюда спрос на право, на безличные правила. Сеть нуждается в доверии, в рамках, которые задаются верховенством права и независимостью суда. Некая гармония стимулов и противовесов через колебания способна удерживать всю систему в равновесии; видимо, именно такая версия сетевой модели в некотором приближении была успешно реализована в Европе.

Речь не идет об абсолютных требованиях, присущих каждой модели, без которых эти модели вообще не работают. Они могут действовать при неких приближениях, демонстрируя разные степени эффективности. Они также могут взаимодействовать, дополняя друг друга. Для каждой благоприятны свои условия. Так, фирма обычно работоспособна при иерархической структуре, но среда скорее должна быть рыночной. И это комплементарные условия. С другой стороны, вся история с определенной ступени развития торговли — противостояние и борьба этих моделей. И.М. Клямкин, говоря о них, пусть иначе называемых, ссылается на работу Г. Спенсера «Личность и государство», подчеркивая различие между ними в опоре на силу (иерархия), или на закон и стимулы (сеть). Для их обозначения А.И. Липкин предложил два выразительных различающих термина: приказ и договор. Приказ: у нижестоящего нет прав, команда однонаправленна — сверху вниз (вертикаль власти). В Китае законы закрепляли не права, а компетенцию и наказание за невыполнение [Малявин, 2001]. Это — иерархия, первая модель. Договор предполагает, что у его сторон есть права,

дающие возможность заключать сделки, выбирать варианты, требовать, отвечать за последствия их выполнения. Это — сеть, рынок, вторая модель [Липкин, 2012, с. 35–36].

Вглядываясь в историю

Изначально, думается, в истории человечества везде появились род и племя — простейшие социальные структуры с преобладанием родовых связей.

Племя — несколько родов. В составе рода — ряд семей и семейно-клановые группы. К. Леви-Стросс высказал предположение, что в основе различия всего многообразия родственных отношений лежит запрет инцеста [Васильев, 2007, с. 93], выработанный, видимо, еще в палеолите.

«Племенная организация создала лишь культуру сообществ людей, знающих друг друга в лицо и строящих свои отношения на основе инерции исторического опыта и эмоциональных контактов» [Ахиезер и др., 2008, с. 47]. Лицо в лицо — это очень важно. Ибо говорит об ограниченном радиусе коммуникаций. То же требование как условие доверия мы встречаем потом в России в сельской общине в 1861 г., накануне крестьянской реформы, и во время социологических опросов в 2000 г. в Белгородской области, в нижних слоях, сразу после трансформационного кризиса 90-х годов XX в.

Для выживания требовалось наращивание сил, в том числе для военных действий, увеличения производства. Масштабы племени становились недостаточны. Следующий шаг — государство.

Государственные образования, в свою очередь, требовали усложнения структуры. Первой подобной структурой стала иерархия. Она открывала возможность решения проблем войны, безопасности, орошаемого земледелия и т.п.

С развитием разделения труда, интенсификацией обменов внутри племен и между ними стала расширяться торговля, появились торговцы и ремесленники. Сначала как дополнительные занятия, затем — как все более влиятельные силы. Города становились и укреплениями, и административными торговыми, и ремесленными центрами.

Ч. Тилли, следуя Г. Скиннеру, отмечает в Китае сплетение двух иерархий: 1) снизу вверх, возникающей из обмена и обра-

зуемой все большими рыночными ареалами, с городами в центре; 2) сверху вниз — административной иерархии, осуществляющей власть императора [Тилли, 2009, с. 189–190].

Я бы в контексте Тилли не называл первую структуру иерархией, это как раз сеть. В ней, разумеется, есть локальные многоуровневые структуры с отношениями подчинения, но в целом это скорее сеть, «плоский мир». Вторая же структура — настоящая «вертикаль власти». Тилли отмечает, что, в отличие от полицентричной Европы, в Китае всегда был единый имперский центр, кроме времени смут между династиями. Иерархия во главе с императором всегда доминировала, но города, образуя сети, поставляли кандидатов на должности в бюрократической системе.

Социальная мутация

Сетевая модель как доминирующая появилась в Древней Греции, в Афинах. Почему и как это произошло, мы не знаем. Я читал, что у древних греков от роду была склонность спорить, придерживаясь независимых суждений. Факт, что в Греции рано стало не хватать хлеба, и греки начали его завозить в обмен на виноград и оливки. Финикия, другая торговая держава древнего Средиземноморья, придерживалась примерно тех же внутривластных порядков, что и ее соседи. Афины же пошли по другому пути. Они представляли общество крестьян — собственников земли, почти как герои идиллического общества Ж.Ж. Руссо. У них не было иерархии, они рано завели демократические порядки. Именно здесь появились понятия «политика, политическая жизнь, от греческого слова “полис” — общественное в отличие от частного» [Пайпс, 2008, с. 134–138]. Л.С. Васильев назвал эту модель «социальной мутацией», во всей истории человечества единственной в каком-то смысле [Васильев, 2003, с. 15].

Что произошло? То, что я намерен сказать по этому поводу, касается повсеместно распространенного процесса формирования институтов: случайность переходит в привычку, привычка переходит в правило (в характер — в русской поговорке), в институт. Развитие первобытного общества приводит многочисленные общности, роды, племена к моменту выбора порядка, определяющего вождя. И элиту, которая вождю содействует.

Люди обладают качествами, которые ценят их сограждане, — силой, решительностью, хитростью. Некоторые умеют себя подать лучше, другие уступают им. Наступает момент, когда один человек оказывается вождем — или вследствие выборов, или посредством насилия и хитрости. Далее, если не устоялся порядок смены, он подбирает методы, чтобы сохранять свою позицию. Случайность переходит в привычку. Потом складывается порядок, согласно с которым вожди выбираются из определенного рода, по наследству или иным образом.

В большинстве цивилизаций, кроме Греции, установился порядок сохранения власти за определенной группой лиц и концентрации собственности в их руках. Древняя Греция сказала «нет». Общинники — здесь они все были частные собственники земли — сохранили или утвердили порядок выборов своих вождей на народном собрании.

Л.С. Васильев пишет: «Граждане общины... не желали мириться с тем, что основные статусные роли достаются ничем не примечательным наследникам аристократов, тогда как всем им, в принципе равноправным членам общины, остается довольствоваться зависимым от знати положением... В этом пункте и стал реализовываться тот новый путь развития общества, та великая бифуркация, тот выбор, который был поставлен историей перед древними греками. Это был великий вызов, и греки сумели дать на него адекватный ответ. Они отказались покорно следовать привычному восточно-крито-микенскому стандарту и стать подданными могущественных правителей» [Васильев, 2007, с. 295].

После дорийского завоевания в Греции не было благоприятных условий для создания восточного типа структур с «властью-собственностью и централизованной редистрибуцией». Ответом греков на вызов стала система полисов. С этого времени, с рубежа VII–VI вв. до н.э. в Греции появляется демократия. Она дополняется жесткой, строго обязательной и подчеркнута уважаемой всеми гражданами системой правовых норм, не сравнимых по действенности с законами, применявшимися на Востоке. В этом есть своя логика — уважать закон взамен покорности правителю.

Я позволил себе длинную выдержку из Л.С. Васильева (с. 294–299), чтобы привести его аргументы, с которыми я, видимо, не во всем согласен, но считаю их важными для обсужде-

ния идеи мутации в Древней Греции. Интересно, что в «темные века», от дорийского завоевания до VII века до н.э., о которых мы знаем крайне мало, почти единственные дошедшие до нас памятники-документы — это «Илиада» и «Одиссея», рисующие общество на переходе от первобытной общины к полису как городу-государству.

Еще одна цитата: «Темные века» и гомеровская Греция были не столько шагом назад по сравнению с крито-микенской культурой, сколько открытием «новых потенциалов» в обществе. «На передний план в конце периода выдвигаются свободные от гнета деспотической власти земледельцы-общинники, от воли которых зависело, кто — пусть пока что только из числа богатых и знатных, т.е. пользующихся наибольшим престижем, — будет ими руководить. Такое бывало практически во всех обществах, стоявших на ранней стадии политогенеза, когда общинные старейшины превращались в вождей и правителей. Но везде — это было нормой — выборы как важная процедура, равно как и роль избирателей, достаточно быстро уходили в прошлое. В дорийской Греции случилось иначе. И именно это важное обстоятельство переменяло весь процесс политогенеза и вызвало к жизни не деспотичную власть правителя, как то было практически всегда и везде, кроме античного мира, а власть народа, демократию» [Васильев, 2007, с. 289].

Я бы только заметил, что вожди и правители — качественно разные категории: вождь — из родо-племенных отношений, правитель — из рождающихся понятий государства. Мне представляется, что мы говорим о процессе, свойственном переходу от первобытно-общинного строя с преобладанием кровно-родственных отношений — к государству, где начинают доминировать отношения территориальные, соседские, связанные с занятиями. Как раз на этом переходе мы застаем героев Илиады и Одиссеи, а на выходе из «темных веков» видим Грецию эпохи архонта Дракона, законов Солона и Клисфена.

Напомню, что в 621 г. до н.э. архонт Дракон провел в Афинах жесткие (драконовы) законы по охране частной собственности, отмене кровной мести и другие, отражавшие в основном интересы демоса. В 594 г. до н.э. архонт Солон там же добился ликвидации кабального рабства для афинских граждан, закрепления прав наследования за семьей вместо филы, более крупного кровно-родственного сообщества, установления земельного максимума.

Политические реформы были еще важнее. Граждан полиса Солон разделил на четыре разряда по имущественному признаку: I — 500 и более медимнов дохода (52 л зерна); II — 300 медимнов — всадники; III — 200 медимнов — зевгиты (гоплиты — тяжело вооруженная пехота), остальные (IV) — феты. Каждый разряд образовал новую филу. От каждой — 100 человек входили в совет четырехсот, который готовил дела для Народного собрания. Была также создана коллегия судей — гелия. Она проверяла отчеты всех должностных лиц, и в нее могли избираться все граждане Афин. Самый демократичный орган! Принято считать, что именно Солон заложил основы древнегреческой демократии.

В начале VI в. Клисфен завершил формирование политической системы полиса. Для преодоления влияния родовых фил, за которые держались аристократы, он разделил Афины на 30 территориальных округов, так, чтобы три округа из разных мест составили новую филу, которых стало десять. В каждую входили представители разных родов. Кроме того, в них вошли метэки (чужестранцы) и вольноотпущенники. Совет четырехсот был преобразован в совет пятисот (50 человек от каждой новой филы). Была также введена процедура остракизма — изгнания на 10 лет Народным собранием граждан, которых считали опасными претендентами на роль тирана. Законы Клисфена завершили длительный этап реформ, который остался образцом демократического устройства, — им пользовались многие полисы, а через века его во многих странах изучали для формирования своих конституций.

Вместе с тем эволюция античных вариантов рыночно-сетевого модели показала их неустойчивость, по крайней мере на той стадии развития. В самой их структуре были заложены противоречия, которые обуславливали восприимчивость стран, пошедших по этому пути развития, к ряду недостатков, которые можно преодолеть, но либо средствами, тогда не найденными или не признанными, либо пригодными на более высоких уровнях развития технологий и экономики.

Одно из таких противоречий: чтобы увеличить силу государства во внешних отношениях, нужна централизация власти и управления в довольно больших масштабах. Успеха добивались достаточно крупные государства — Египет, Вавилон, Ассирия, Персия. С другой стороны, централизация власти достигалась ценой утраты контроля сообществ за властью, за

правителями и элитой, что вело к накоплению недовольства и ослаблению стимулов развития. Древняя Греция предложила вариант, при котором контроль общества за властью обеспечивался, но ценой сохранения масштабов государства на уровне полиса, в среднем 5–10 тыс. граждан; самые большие полисы — Афины и Спарта — примерно по 150 тыс. человек [Васильев, 2007, с. 310].

Оптимальное соотношение было достигнуто в V–IV вв. до н.э., затем баланс был нарушен — и Македонская монархия смогла победить демократию в старых полисах, а заодно и Персию. Создается империя Александра, а позднее — ряд эллинистических государств, которые что-то взяли от античной культуры, но представляли собой не синтез, а симбиоз разных культур (греческой и восточной). В них не было искомого баланса, не хватало крестьян — частных собственников земли, которых и в Греции становилось все меньше.

В Древнем Риме во многом повторилась та же история. Республиканские институты тем хуже справлялись с задачами общественного контроля за властью, чем могущественней и больше становилось государство. Рим формально еще оставался полисом, когда Гай Марий провел через сенат закон о военной реформе, заменивший гражданское ополчение наемной армией. Армия тем самым вышла из-под контроля общества, поступив в распоряжение военачальников [Машкин, 1948, с. 226–227]. В итоге преимущества римлян в экономике и организации позволили создать колоссальную империю, но одновременно возможности контроля общества над военными были утрачены. Тем самым и конечная судьба Римской империи была предreshена.

Заметим, что примерно в то время (I–II вв. н.э.) в крупнейших цивилизациях — Римской империи (античная) и Китае (империя Хань), в которых доминировали разные модели социальной организации, показатели уровня жизни были весьма близки (300–440 международных долларов 1990 г. [Мельянцеv, 1996, с. 56].

Упадок и начало подъема в Западной Европе

Наступил экономический упадок, особенно в Западной Римской империи. Натуральное хозяйство теснило рыночно-

денежные отношения. Многолюдные потоки менее развитых племен нахлынули на регионы юга Европы. Новое восточное религиозное учение — христианство долго не разделяло установки рыночной экономики как низменные и корыстные. Достижения античной эпохи в значительной степени были утрачены. В местах расселения варварских племен на сложившейся культурной почве со временем возникли классические формы западного феодализма.

Чтобы обозначить исходные позиции последующего развития европейской цивилизации, позволю себе выдержку из довоенной работы А. Пиренна (1939 г.), видного бельгийского историка:

«В эпоху Каролингов прекратилась чеканка золотых монет; была запрещена выдача денег займа под проценты; класс профессиональных купцов прекратил существование; исчезла возможность ввоза таких восточных товаров, как папирус, специи и шелк; денежное обращение было сведено к минимуму, миряне не умели ни читать, ни писать; система налогообложения была разрушена, а города превратились исключительно в крепости. Мы без малейших колебаний можем заявить, что имеем дело с цивилизацией, регрессировавшей до стадии чистого сельского хозяйства, не нуждавшейся более для сохранения общественных структур ни в торговле, ни в кредите, ни в регулярном обмене» (цит. по: [Мэддисон, 2012, с. 57]).

С XI–XII вв. в Западной Европе начинается медленный подъем экономики. Определенные улучшения наблюдаются в сельском хозяйстве: трехполье постепенно вытесняет двухполье, распространяется тяжелый плуг, в который запрягается несколько пар волов. Растет продуктивность крестьянского хозяйства. В XII в. хорошим урожаем зерновых считается «сам-шесть», тогда как в IX–XI вв. это было скорее исключением [Удальцов и др., 1941, с. 148]. Сказывался рост населения и завершение процессов развития феодализма, включая закрепощение крестьянства.

Но главными двигателями подъема являются торговля и города. Торговля всегда соседствовала с военными конфликтами, обычными в феодальном обществе. Сейчас она растет быстрее, с ней растут производство для обмена и города, которые все более представляют самостоятельные социальные слои — купцов и ремесленников.

В упомянутом выше отличном в целом учебнике «История средних веков», вышедшем до войны под редакцией Д.А. Удальцова, Е.А. Косминского и О.Л. Вайнштейна, я прочел: «Не торговля определяла возникновение города, а именно ремесло, т.е. разделение труда в области производства [Удальцов и др., 1941, с. 221]. Видимо, они правы. Но мне в данном контексте важно подчеркнуть роль именно торговли как признака и фермента рыночной модели. В ней торговля как раз формирует спрос и стимулирует производство, а значит, и ремесло.

Замечу, что господствовавшая тогда феодальная система представляла собой иерархию, опирающуюся в основном на натуральное хозяйство. Вот так иерархия и сетевая рыночная модель уживались друг с другом.

Приведенная выше выдержка из Ч. Тилли показала подобную систему в Древнем Китае. И в Европе XI–XVII вв. торговля и ремесло, играя подчиненную роль, ориентируясь на спрос и содействуя его увеличению, образовали определенное равновесие с феодальной иерархией. Равновесие состояло в том, что объемы производства регулировали численность населения. Если продуктов не хватало, а демографическое давление оказывалось чрезмерным, то численность населения уменьшалась. И доходы могли снова расти. Технологии менялись медленно. Цикл замыкался.

«Такие бичи современных несостоятельных государств, как войны, насилие, беспорядки, неурожаи, развал общественной инфраструктуры, антисанитария, до 1800 года были друзьями человечества. Они, — пишет Грегори Кларк, — снижали демографическое давление и повышали материальный уровень жизни. И напротив, излюбленная политика Всемирного банка и ООН — ...мир, стабильность, порядок, налаженное общественное здравоохранение, пособия для бедных, — была врагом процветания» [Кларк, 2012, с. 21].

4. Рынок Европы

Равновесие до 1800 г. Г. Кларк называет «мальтузианской ловушкой» [Там же, с. 20–23].

Прошло примерно 600 лет (от последнего крестового похода до промышленной революции в Англии), в течение которых, казалось бы, никаких заметных сдвигов в мировой эконо-

номике не происходило. А потом произошло чудо, которое показано на рис. 1, заимствованном у того же Кларка [Там же, с. 16]. Позиция Кларка состоит в том, что до 1800 г. средние подушные доходы в динамике почти не менялись. В действительности какие-то изменения были: на 34% душевой ВВП вырос в Европе с 1 г. н.э. до 1500 г., а за 1500–1820 гг. — еще на 56% [Мэддисон, 2013, с. 113]. Но в целом верно.

Мальтузианская ловушка тысячи лет держала человечество в устойчивом равновесии. С началом промышленной революции технический прогресс вырвал человечество из этой ловушки, нарушил равновесие нищеты. Начался рост, питаемый увеличением массы применяемых ресурсов и повышением эффективности их использования. Но одновременно он вверг человечество в драму «великого расхождения». Так Кларк называет увеличение неравенства между обществами (странами, цивилизациями), находящимися на разных ступенях развития. По его оценкам, разрыв между странами ныне составляет 50 : 1 [Кларк, 2012, с. 18, 30–34].

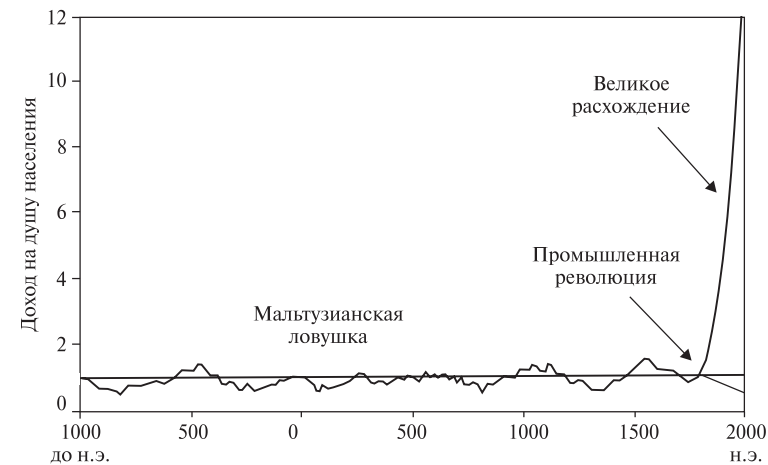

Рис. 1. Всемирная экономическая история одним графиком. С 1800 до 2000 г. — рост подушного дохода в 12 раз, с большим разрывом между странами

На самом деле и внутри многих обществ масштабы неравенства, особенно в период интенсивных переходных процессов, оказываются весьма болезненными. Сталкиваются интересы различных групп и слоев, в том числе отстаивающих традиционные и современные ценности в разных сторонах общественной жизни.

Таблица 1, заимствованная у Э. Мэддисона, характеризует различия в темпах развития между основными цивилизациями в группировке Мэддисона.

Таблица 1. Подушевой ВВП в мире и важнейших регионах в 1–2003 гг. (международ. долл. 1990 г.)

Регионы	1	1000	1500	1820	1870	1913	1950	1973	2003
Запад	569	426	753	1202	2050	3988	6297	13 379	23 710
Западная Европа	576	427	771	1202	1960	3457	4578	11 417	19 912
«Боковые ветви» Запада	400	400	400	1202	2419	5233	9268	16 579	28 099
Восточная Европа и бывший СССР	406	400	498	686	941	1558	2602	3731	5708
Азия	456	465	568	581	556	696	717	1718	4434
Латинская Америка	400	400	416	691	676	1494	2503	4573	5786
Африка	472	428	416	421	500	637	840	1410	1549
Остальные страны	453	451	538	580	609	880	1126	2579	4217
Весь мир	467	459	567	607	873	1526	2113	4091	6516
Разрыв между Западом и остальным миром	1,31	0,42	1,9	2,1	2,3	4,5	5,6	5,6	5,71

Источник: [Мэддисон, 2012, с. 113].

Комментарии к табл. 1.

1. 1820 г. — начало промышленной революции и индустриальной стадии развития, по Мэддисону.

2. До 1820 г. — стационарное развитие в условиях «мальтузианской ловушки», по Кларку.

1820–2003 гг. — период высоких темпов роста (современного роста, по С. Кузнецу).

Такой рост был в Великобритании с 1820 до 1870 г. (она шла впереди всех). Он же был в Европе и «боковых ветвях» Западной цивилизации (США, бывшие британские доминионы, кроме Индии) до 1913 г. В этот период рывок осуществлял только Запад. Период 1913–1950 гг. (вторая Тридцатилетняя война, как назвал ее один из наших современников). 1973 г. — условно год окончания стадии индустриального развития (тройной скачок цен на нефть (1820–1973 гг.)). После этого начинается переход к инновационной стадии, который и ныне продолжается.

3. Данные до 1820 г. показывают, что рост после 1000 г. все же был («весь мир» — 13,4%), но главным фактором была Европа (21,9%). Если учесть упадок в Западной Европе в I тысячелетии н.э., то от низшей точки рост будет 28,1%. Азия показала 12,7%.

4. На стадии индустриализации за период опережающего роста (1820–1913 гг.) Запад увеличил подушевой ВВП в 3,3 раза, а за 1820–2003 гг. — в 19,7 раза. Восточная Европа и Россия — в 2,3 раза до начала Первой мировой войны: периферия бросилась вдогонку, но отставала; за 1820–2003 гг. рост в 8,3 раза, разрыв увеличился.

5. Латинская Америка, кажется, одна по темпам роста душевого ВВП в 1500–1820 гг. опережает Европу (1,66 раза против 1,56 раза). Но это объясняется гибелью к середине XVI в. двух третей коренных жителей и практически полным вторичным заселением континента. В 1500 г. здесь жило 17,5 млн человек, в 1600 г. их осталось 8,6 млн, а в 1820 г. было уже 21,6 млн. Но в 1600 г. душевой ВВП был выше, чем 100 лет назад, при вдвое меньшем числе жителей (438 тыс. долл. против 416 тыс. долл. в 1500 г.) [Мэддисон, 2012, с. 143, табл. 2.7].

В момент завоевания конкистадорами здесь не были известны тягловый скот, колесный транспорт, металлические орудия труда. Индейцы оказались беззащитны перед завезенными болезнями.

Итак, 3000 лет в уровне благосостояния человечества ничего принципиального не происходит. Зато за 200 лет после 1800 г. происходит рывок, рост на порядок. Во всем мире, не только в Европе и Северной Америке.

Переход к рыночно-сетевой модели

Что же произошло? Не только душевой ВВП, по подсчетам Мэддисона, к 1999 г. вырос в 8,0 раз за 180 лет, но и продолжи-

тельность жизни в мире — с 26 до 66 лет. Гигантский рывок, до того не наблюдавшийся. Напрашивается простой вывод о новых технике и технологиях, которые вдруг стали появляться. А.И. Липкин пишет также о колоссальном позитивном воздействии культуры уникальной вассально-сеньюальной системы европейского феодализма [Липкин, 2012, с. 35–36]. Возможно. Но я убежден, что «великое расхождение» состоятельности и нищеты никак не связано с феодализмом. Феодализм — сословная иерархия господства и подчинения, в принципе противостоящая сетевой рыночной модели, в которой агенты равноправны. Эти системы долго сосуществовали, но постоянно боролись друг с другом. Города против баронов — непреходящий лейтмотив эпохи. Абсолютные монархии привлекали города на помощь, но на деле сами до поры служили победе рыночных сил, городов, торговли и промышленности. Эти силы долго были на вторых ролях. Но приходит время, когда цепочка широко известных событий — Война Соединенных провинций Нидерландов за независимость в XVI–XVII вв., Английская революция, казнь Карла I по решению парламента и Славная революция 1688–1689 гг., Великая Французская революция 1789–1793 гг., борьба за независимость и принятие Конституции, а затем Билля о правах в США — приводит к перемене ролей.

Доминирование переходит к рыночной демократии, капитализму. Побеждает вторая модель. Именно эти перемены — публичные символы того, что произошло после 600 лет медленных, противоречивых, порой латентных процессов формирования институтов созревающего нового общества. Доминирование второй модели, особенно развитие капитализма, вскрывает новые источники роста. Стимулы развития возрастают многократно.

Маркс ошибся

Упомянув выше Великую Французскую революцию и другие события той эпохи, я почувствовал соблазн поставить в тот же ряд Октябрьскую социалистическую революцию в России. По инерции, как учили меня и моих сверстников наши советские учителя. Ведь они утверждали, что Октябрьская революция — продолжение великих событий, второй этап, когда доминирующая роль переходит от буржуазии к пролетариату, от

капитализма к социализму, от рыночной стихии к плановому хозяйству. Последнее, опираясь на индустриализацию, создает образ нового, более совершенного общественного строя, где не будет стихии эксплуатации человека человеком, где все будут равны. Это «открытие» Маркса, развитое Лениным, и т.д.

Маркс ошибся. Предсказанное им уничтожение рыночной экономики не состоялось. Более того, именно в сравнении с плановым хозяйством, возникшим после русской революции, она продемонстрировала свои преимущества и показала несостоятельность предсказаний марксистских авторитетов. И было бы удивительно, если бы бюрократическая иерархия, вновь появившаяся на смену сословной феодальной, смогла одолеть рыночную сетевую модель. Тем более что взамен индустрии однообразного массового производства типа фордовского конвейера стали приходиться информационные технологии. Так что Октябрьская революция в России оказалась не следующей ступенью развития мировой цивилизации, а досадным эпизодом, от последствий которого следовало бы побыстрее избавиться.

Сам по себе длительный исторический процесс созревания в Европе сети рыночных институтов, если взглянуть на него именно с этой точки зрения, может повернуться к нам поучительной стороной. Особенно для граждан новой России. Ведь она сама еще толком не знает, такая ли уж она новая и можно ли толковать переживаемые ею испытания не как гибель надежд, а как источник уверенности в обретении свежих сил.

5. Отличия России от Европы

Периоды русской истории по Ключевскому

Для понимания особенностей российской истории необходимо хотя бы бегло, по ключевым институциональным изменениям, пройти ее основные периоды.

В.О. Ключевский выделяет четыре таких периода.

1. Днепровская или Киевская Русь.
2. Удельный период.
3. Великорусский период, Московское государство.
4. Империя.

Дальше 1861 г. Ключевский не шел, считая, что история для историка не должна становиться автобиографией.

В работе [Ахиезер и др., 2013], авторы которой трудились позднее, также выделяется четыре периода.

1. Киевская Русь.
2. Московское царство.
3. Империя.
4. Советская Россия.

Каждый из этих периодов заканчивался катастрофой, развалом государства. Почему?

Авторы предлагают свое объяснение: Русь изначально была поражена расколом между государственной и догосударственной культурами, расколотый социум скреплялся самодержавной (деспотической) властью и милитаризацией повседневной жизни. Ее периодически сменяла вынужденная демилитаризация, вскрывавшая противоречия и вызывавшая в итоге крах государства [Там же, 2013, с. 24, предисл. И. Клямкина к 3-му изданию].

У меня есть кое-какие предубеждения против такого обоснования. Во-первых, можно констатировать только два несомненных краха: империи в 1917 г. и советского эксперимента в 1991 г. Крахом в итоге кризиса внутреннего развития нельзя назвать Киевскую Русь. Она подвергалась сильному давлению кочевников, торговля как экономическая основа пришла в упадок. Кроме того, наступил период феодальной раздробленности. Удельный период закончился становлением Московского государства. Смуту начала XVII в. нельзя считать крахом государства, хотя бы потому, что после нее государство экономически и политически не поменялось; сменилась династия, сменились персоны, но порядки, которые можно было бы посчитать причиной кризисного развития, не сменились. Катастрофой было ордынское нашествие, однако оно произошло отнюдь не вследствие кризиса удельных порядков, хотя они и способствовали ослаблению воли к сопротивлению. Но не только в России.

Во-вторых, объяснение проблем страны изначальным расколом государственных и догосударственных институтов представляется неубедительным. Видеть инструменты преодоления раскола в деспотической власти да еще в милитаризации кажется странным, при том что более естественно предположить формирование тех же институтов как путем заимствования ордынского опыта, так и путем исполнения московским князем

роли ордынского порученца. Более важным мне кажется выделение периодов по признаку появления в их течении существенных институциональных сдвигов, затем долго сказывавшихся на развитии страны.

Возьмем за основу периодизацию Ключевского, добавив еще период советского эксперимента.

Киевская Русь (днепровский период)

Изначально Киевская Русь — ветвь европейской культуры, хотя и была ее удаленной периферией, вследствие чего развитие шло с запаздыванием. Торговый путь «из варяг в греки» определил торговлю и города как фундамент экономики. В те времена Византия была самой развитой страной Европы. Неудивительно поэтому ее преобладающее влияние на развитие Руси. От Византии Русь получила православное христианство. В то же время Византия, более чем Запад приверженная традициям первых веков христианства [Экономическая история, 2008, с. 68], была весьма равнодушна к техническим нововведениям, а тяжелый труд здесь были склонны рассматривать как порок или проклятие.

Варяги, содействуя становлению государственности, принесли с собой «лествичное право» для княжеского рода, т.е. порядок очередности наследования. Этот порядок не способствовал привязанности князей к тем или иным волостям. Ряд выдающихся киевских князей — Олег, Святослав, Владимир Святой, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах — обозначили полосу процветания Киевской Руси, связанную также с успехами торговли по Днепру. В.О. Ключевский называл первый период русской истории днепровским.

Но затем между Рюриковичами возобладала междоусобица, и после смерти Владимира Мономаха (1125 г.) обозначился упадок, период усиления феодальной раздробленности. Одновременно усиливалось давление кочевников, вызывавшее отток населения с юго-восточных окраин, граничивших со степью. Ордынские нашествия середины XIII в. — это только наиболее разрушительные удары.

Два обстоятельства оказали в данный период влияние на отклонение пути Руси от Европы. Во-первых, это, несомненно, влияние восточных, в конечном счете ордынских, набегов

и нравов, абсолютная власть Великого Хана. Во-вторых, еще до татаро-монгольского завоевания шел процесс перехода от очередности наследования (как правило, к старшему из братьев) к удельному порядку; наследованию от отца к сыну или по завещанию. Этот переход вел к дроблению княжеств и ослаблению государства, но одновременно укреплялась патриархальная семья и свойственные ей иерархия и всевластие отца. В государстве, как в семье.

В XII в. произошло относительное обособление трех частей рыхлой Киевской державы: Юго-Западной Руси (Галицко-Волынское княжество), подальше от степи; Новгорода и Севера; Верхневолжской, или Северо-Восточной Руси. У этих частей складывались и своеобразные модели управления. На юго-западе — двухполюсная модель, основывалась на взаимоотношениях князей и бояр с высокой самостоятельностью последних и при символической роли веча как народного представительства. Вторая модель — вечевая, однополюсная демократия с крупными землевладельцами и купцами на заднем плане, которые вечем и управляли. Это модель Новгорода, русского варианта полиса — города-государства. Третья модель — тоже однополюсная, княжеская — сложилась в Северо-Восточной Руси. Первым двум частям страны не суждено было стать центрами формирования будущего единого государства. Это участь выпала на последнюю часть, самую бедную и малоосвоенную, а ее модель правления во многом предопределила и будущую авторитарно-деспотическую систему власти всей России, на много веков отдалив нас от Запада и приблизив к Востоку [Ахиезер и др., 2008, с. 106–114].

Удельный период. Вотчина

На Верхней Волге начинается второй период русской истории — удельный. Он продолжается с XIII в. до середины XV в. Удельным назвали новый порядок владения землей и территорией.

«Здесь, — пишет Ключевский, — особенно за Волгой, садясь на удел, первый князь его обыкновенно находил в своем владении не готовое общество, которым предстояло ему править, а пустыню, которая только... начинала заселяться... Край оживал на глазах своего князя: глухие дебри расчищались,

пришлые люди селились на “новях”, заводили новые поселки и промыслы, новые доходы приливали в княжескую казну... Мысль: это мое, потому что мной заведено... — вот тот политический взгляд, каким колонизация приучала смотреть на свое княжество первых князей Верхневолжской Руси. ...на севере младшее княжество — постоянная отдельная собственность... князя, личное его достояние, которое передается от отца к сыну по личному распоряжению владельца или по принятому обычаю». Такое владение с XIII в. называют вотчиной, а позднее — уделом [Ключевский, 1956, т. 1, с. 338, 348–349].

В Днепровской Руси земли княжеского рода Рюриковичей, достававшиеся по очередному порядку на определенное время во владение отдельных князей, издавна назывались волостями, или наделками. Только с XIII в. младшие волости, т.е. не передававшиеся в порядке очередности, в Суздальском крае начинают называть вотчинами, а позднее — уделами в смысле отдельного владения, постоянного и наследственного. Таким образом, от очередного и временного владения волостями в Киевской Руси Рюриковичи в Северо-Восточной Руси переходят к вотчинам и уделам как владениям их собственным [Там же, с. 338].

Я бы, однако, добавил, что удел — владение только князей, сопровождаемое и политической властью над территорией, которая, впрочем, сводится сначала только к праву сбора дани или подати. Вотчина же — это и владение боярина, близкое к европейскому аллоду, дающему право на ренту. Собственность и власть вместе — это «налог-рента», как любит писать Л.С. Васильев. Но в условиях Верхней Волги в XI в. грани между этими понятиями были малозаметны или нечетки, ибо на пустынных землях, осваиваемых для земледелия взамен более доходных торговых занятий, которые приходили в упадок под давлением кочевников, важно было найти людей, работников. Князья Северо-Востока этим много занимались, создавая первоначально привлекательные условия для жизни поселенцев.

Уже к концу XII в., по изысканиям М.К. Любавского [Пайпс, 2004, с. 60], Ростовско-Суздальский край стал наиболее плотным населенным районом России.

Для нас новый удельный порядок особо существен. Вотчина — это не просто собственность, перешедшая от отца, а соединение власти и собственности. Понятие «власть-собственность»

вообще популярно среди отечественных специалистов как обозначение русской особенности, в противовес частной собственности — распространенной в рыночной экономике.

«Власть-собственность — это альтернатива развитой, т.е. европейской частной собственности, будь то античная или буржуазная... это не столько собственность, сколько именно власть» (как способность или право навязать свою волю другим) [Васильев, 2007, т. 1, с. 138–139].

«Вотчина, — пишет Р. Пайпс, — ...есть точный эквивалент латинского *patrimonium* и, подобно ему, обозначает собственность и полномочия, унаследованные от отца». И далее очень важно: «Когда не существовало твердых юридических дефиниций собственности и суда, где можно было отстаивать свои притязания на нее, приобретение путем наследования было... наилучшим доказательством владельческого права. ...Между разными видами собственности не проводили никакого различия; вотчиной были и поместье, и рабы, и ценности, и права на рыболовство... Ею была и политическая власть, к которой относились как к товару. В этом нет ничего странного, если учесть, что в древней Руси политическая власть по сути означала право налагать дань, которым обладала группа иностранных завоевателей...» [Пайпс, 2004, с. 62–63].

Переход к удельному порядку означал, по сути, замену права дани иностранных завоевателей на обложение земли данью своей знатью по происхождению. Это обычный порядок для большинства стран того времени. Особенность Северо-Восточной Руси состояла в том, что, во-первых, наследование реально определялось завещателем, и только когда он не выражал своего особого мнения — по обычаю, от отца к сыну. Завещание предполагало в принципе возможность подмены сына другим претендентом, по воле, например, сильного соседа. Во-вторых, важную роль сыграла однополюсная княжеская модель правления, утвердившаяся на Северо-Востоке. Княжеская модель изначально благоприятствовала авторитаризму. Князь — собственник земель и правитель государства, — собирал в своих руках и власть, и собственность. Соединение власти и собственности родилось у нас именно в удельный период, и именно в Северо-Восточной Руси.

Получилось так, что уже в удельные времена у русских князей и знати сложилось своеобразное понимание собствен-

ности, в котором не принимались во внимание некоторые юридические тонкости, общепринятые на Западе. Насилие, произвол и беззаконие, если не было других ограничений, тенью стояли за теми, кто имел власть и уже поэтому распоряжался собственностью. Монголы подали пример.

6. Великое княжество Московское. Великороссия

Третий период нашей истории — великорусский, московский, по Ключевскому, с середины XV и до второго десятилетия XVII в. Великороссия — термин, отличающий этот регион от Малороссии и Беларуси — других частей Киевской Руси, поначалу более важных. До этого периода поток переселения русских с днепровского юга в район междуречья Верхней Волги и Оки, смешивание его с местным финским населением (чудью) образовали «целую плотную народность — великорусское племя» [Ключевский, т. 2, 1957, с. 47]. Позднее это имя обозначило русскую нацию, как основной массив в составе восточных славян. Еще раньше в этом регионе возникли удельные княжества русских князей. Город Ярославль назван в честь Ярослава Мудрого, который бывал здесь, на краю Киевской Руси. Его ровесники — Ростов и Суздаль.

Третий период ознаменовался тем, что на основе Великороссии в это время сложилось новое государственное образование, объединенное вокруг Москвы. Оно стало затем ядром распространившегося во все стороны Евразии огромного российского государства. В этот же период определился, на мой взгляд, тип русского феодального государства как самодержавной иерархии господства и подчинения: московский государь правит с помощью аристократии, состоящей из удельных князей и бояр — вотчинников [Ключевский, т. 1, 1956, с. 33]. Московское государство растет и управляется как вотчина в смысле соединения власти и собственности. Вся земля, затронутая обработкой и вследствие этого ставшая княжеской собственностью, и все политические права принадлежат тому, в чьих руках — власть и собственность. Важно проследить, как и под влиянием каких обстоятельств формировалось это государство.

Хотя Москва оказалась в самом центре потока переселенцев, упоминания о ней появляются в середине XII в. Московское княжество, как одно из младших удельных княжеств, возникло позже других, в 1272 г. Но именно оно затем выросло, объединив практически все удельные княжества Великороссии, в будущее русское национальное государство. Формирование его, а также его важнейших институциональных особенностей составило содержание третьего периода нашей истории.

Первым пунктом этого процесса считается [Ахиезер и др., 2013, с. 102] перенесение князем Андреем Боголюбским княжеской резиденции из Суздаля во Владимир, положившее начало выстраиванию однополюсной авторитарной модели. Боголюбский хотел с налету решить два вопроса: 1) отделаться от еще бывшего в силе родового принципа очередности наследования и 2) избавиться от споров со старым боярством основанных еще Новгородом вечевых городов — Ростова и Суздаля, которое тяготело к традиционным манерам правления. Реальная цель — единовластие. Это означало бы перенесение вотчинного режима с уровня удельных княжеств на великое княжество Владимирское, т.е. на более высокий уровень, с централизацией власти в его, Боголюбского, руках. С ходу решить эти вопросы не удалось³.

Но они оказались в повестке дня его наследников — московских князей.

Вторым пунктом в этом процессе стало ордынское нашествие (1239—1241 гг.) и установление в Северо-Восточной Руси монголо-татарского господства продолжительностью около 250 лет. Страшное опустошение, гибель и разорение значительной части населения были наиболее очевидным их результатом до конца XIII в. Только в XIV в. появились заметные признаки возрождения. В это время завершается удельный период — с дроблением уделов, обнищанием и духовным оскудением, но и с окончательным, хотя и постепенным изживанием традиций родовой очередности наследования. Оно заменялось новым порядком патриархальной семьи с самовластьем отца, наследованием от отца к сыну или по воле завещателя как при-

³ Интересно, что заговором против Боголюбского руководил игумен Феодул. Девичья фамилия моей жены была Федулова. Село Добрыньское, откуда родом были ее родители, находилось напротив знаменитой церкви Покрова на Нерли и было чуть не наполовину заселено Федуловыми.

вилегированной нормой. Разруха способствовала вытеснению прежних обычаев и как бы расчищала почву для усвоения новых институтов.

Третий пункт. Московский князь Иван Калита доказал преданность монголам, приняв участие в карательной экспедиции против тверского князя Александра. За это он получил ярлык на великое княжение. Владимирский великокняжеский стол потом был присоединен к Московскому княжеству, Москву это выдвинуло на позиции центра Северо-Восточной Руси.

Тот же Иван Калита вместе с ярлыком выхлопотал право собирать для монголов дань со всех русских земель и самому пересылать ее в Орду, тогда как до этого ее собирали ханские чиновники. Теперь московские князья воспринимались как представители верховной власти и из собранного какую-то долю могли оставлять себе. Финансовые ресурсы позволяли скупать вотчины несостоятельных удельных князей, присоединяя их к Московскому княжеству. Вместе с ними на службу к московскому князю переходили князья и бояре прикупленных территорий. Таков основной механизм быстрого роста территории, политического и военного могущества Москвы.

Четвертый пункт. Если прежде бояре и служилые люди свободно переходили от князя к князю, то теперь, с переходом на московскую службу, от права дальнейших переходов пришлось реально отказаться. Москва создала прецеденты кары за попытки подобных переходов (в 1379 г. казнь боярина Вельяминова за попытку уйти к тверскому князю и чинить козни московскому).

Воспринимая подобные угрозы, бояре, служилые люди продолжали стекаться в Москву и хотели служить именно Москве. «Феномен московского “князебоярства”, как называли его Ю. Пивоваров и А. Фурсов, мог стать реальностью только потому, что Москва добилась права быть порученцем и подручным Орды, власть которой сомнению не подвергалась. По сравнению с выгодами, проистекавшими из близости к московской, а через нее и к ордынской власти, преимущества прежних дружинных вольностей выглядели все более призрачно» [Ахиезер и др., 2013, с. 106]. Качественная перемена, составляющая основное содержание п. 4, состоит в том, что в руках московского князя появилась действенная сила принуждения, которую бояре и служилый люд, находившиеся в поле интересов Москвы,

должны были принимать в расчет. «Князебоярство» Пивоварова и Фурсова я намерен более подробно рассмотреть далее.

Пятый пункт. К концу XV в. на месте неустойчивого конгломерата удельных княжеств Великороссии, существовавшего здесь 200 лет назад, появилось единое и сильное Московское великое княжество, позволившее себе объявить о государственной независимости и затем реально отстоять свой новый статус. Важной стороной нового русского независимого государства было утверждение одновластия московского князя как вотчинника над подвластными княжествами Великороссии — самодержавия московского государя. Он теперь обладал всей полнотой власти, по сути не стесненной законом, но был зато блюстителем традиций, разумеется, с выбором выгодных.

Князебоярство и «Русская система»

Выше мы упоминали термин «князебоярство» со ссылкой на Ю. Пивоварова и А. Фурсова. Те же авторы предложили понятие «Русская система» как некое институциональное образование, содействующее сохранению в России авторитаризма, монособъектности «Русской власти» [Пивоваров, Фурсов, 1996; 1998; 1999].

В отношении князебоярства возможны два варианта толкования. Первое состоит в том, что это слой служилых людей возле князя (великого князя, правителя) с разными заслугами и происхождением, которые обладают землей, как правило, полученной в качестве вознаграждения за службу и признаваемой князем их владением. Они образуют войско, постоянно несущее службу или собираемое для военных действий. Это — элита феодального общества. Ниже — крестьяне, работающие на их земле или принадлежащие им, образующие вместе с посадскими (горожанами) «тяглое» население. В таком толковании князебоярство — просто обозначение всего этого слоя.

Второе толкование позаимствуем из [Ахиезер и др., 2013, с. 106] — консолидированные околоставные структуры служилых людей (опричнина Ивана Грозного, петровская гвардия, сталинский партаппарат параллельно с органами госбезопасности), которые при рыхлости и неорганизованности общества являлись несущими конструкциями государственности, обеспечивающими неприкосновенность монопольной власти

царей, императоров и генсеков и блокировавшими возникновение вокруг них конкурентной среды.

Князебоярство во втором толковании, существенно осовремененном, представляет часть первого множества. Но выделение этой околоставной группы позволяет объяснить важную особенность московской, а затем и российской государственности, во всяком случае по сравнению с Европой.

Рыхлый, раздробленный конгломерат удельных княжеств Киевской Руси, периодически сплачиваемый выдающимися личностями на великокняжеском Киевском столе, для образования и укрепления единого государства должен был получить фигуру лидера, а в руках последнего — механизм принуждения к исполнению его воли другими князьями и боярами. После ордынского завоевания Северо-Восточной Руси самодержцем стал монгольский хан, но локальный центр власти выделился вместе с выданным за заслуги перед ханом ярлыком на великое княжение и правом собирать дань для монголов. Тогда же первоначальное «князебоярство» стало формироваться около московского князя, демонстрируя свой промежуточный характер «между домонгольскими боярско-дружинными вольностями и послемонгольским всеобщим государственным холопством» [Ахиезер и др., 2013, с. 107]. Москва тогда предлагала наилучшие условия службы, а те, кто хотел сохранить прежние вольности, видимо, скоро почувствовали, что это теперь влечет за собой существенные жертвы. Во всяком случае иначе трудно объяснить, как раздробленность княжений и вотчин киевского и удельного времени, сопровождавшаяся постоянными междоусобицами, сменилась сплоченностью удельных князей и бояр под властью Москвы. После освобождения от монгольского господства институт, видимо, сохранился и укрепился. Периодически он слабел, засыпал, если ослабевала власть князя и бояре, сталкиваясь многими кланами, получали возможность проводить свои локальные интересы. Укрепление княжеской власти возрождало и силу околоставной группы давления, которая могла получать другое название, но призвана была выполнять те же функции. Этот механизм способствовал объединению княжеств Северо-Востока в единое государство, а затем его усилению, пока крайности правления Ивана Грозного не привели к противоположным результатам. Малюта Скуратов стал символической фигурой опричнины как другой формы

князебоярства. Понятно, что трактовка князебоярства как части элиты оставляет в составе знати вторую часть — оппозицию безграничной власти царя.

Теперь о «Русской системе». Пивоваров и Фурсов в качестве ее стержня рассматривают «Русскую власть» — не политическую, не государственную или экономическую, но власть «в метафизическом облике». Власть вообще [Пивоваров, Фурсов, 1999, с. 180]. Я не очень понимаю подобные термины. Авторы предупреждают: не нужно навязывать конкретному обществу понятия и меры, подходящие для другого общества. «Россия, — пишут они, — это то, чему нет адекватных терминов, “чему названья в мире нет”». Но если такому специфическому для данного общества качеству и приписывается метафизический облик, то, значит, для него не нашли нужных понятий и определений, позволяющих судить о нем с рационально-логической, т.е. научной, точки зрения. Не вижу оснований, чтобы с такой мерой загадочности и мистицизма судить о России. Сами авторы в своих работах подтверждают эту точку зрения.

Они фиксируют в домонгольском обществе три субъекта: князь, бояре, общество, представленное вече. В других европейских странах эти субъекты систематически спорили между собой, как бы создавая основу для возможного разделения властей. Как мы уже отмечали, в Западной и Юго-Западной Руси преобладала двухполюсная модель (князь — бояре), в Новгороде — вече, один полюс. В Северо-Восточной Руси — тоже один полюс, но князь, который усиливался по причине необходимости края. В зародыше были все субъекты, с исходным неравновесием в пользу князя. Преимуществом хотел воспользоваться Андрей Боголюбский, но не вышло. Дело решило ордынское нашествие. Александр Невский и Иван Калита готовы были служить завоевателям, чтобы получить преимущество перед другими русскими князьями. Они должны были создать инструмент власти, принуждения, чтобы выполнять поручения монголов. И они его создали — князебоярство, свое московское князебоярство, более успешное, чем у других. Успех заключался в том, чтобы подавлять другие субъекты, где опираясь на традиции, а где действуя силой, создавая превосходство «в массе насилия» [Там же, с. 182]. И против своих бояр, и против соседей. Носителем этой массы насилия и стало князебо-

ярство. Скорее как группа в элите, чем как сама элита (второе определение князебоярства из приведенных выше).

В числе субъектов власти, со временем расставленных по местам, называют еще и церковь. Но на Руси — церковь православная, стало быть, изначально подчиненная власти, присвоенной князем. Это не Европа, где короли и папы независимы, образуя разных субъектов, способных подолгу конфликтовать друг с другом. Патриарх Никон был, пожалуй, единственным, кто пытался возвысить роль церкви до царской власти.

Что такое «Русская система», если иметь в виду ее отличие от других национально своеобразных систем. Это система правления, в которой власть единолична (моносубъектна) и для этого вооружена князебоярством.

Авторы дают иное определение: Русская система — это такой способ взаимодействия ее элементов — Власти, населения и «лишних людей», для которых Русская власть является единственно социально значимым субъектом.

«Лишний человек» — понятие, выражающее незавершенность, неопределенность, — характерен для этой системы. Не все подчинены Власти высшего правителя. Например, если князебоярство — часть элиты, преданная князю, царю, президенту и готовая ради него за достойное вознаграждение нарушать законы и обычаи, то остальная часть элиты — рассадник «лишних людей», которые готовы печься и о своих интересах, и об интересах общества, о праве.

Преданность князебоярства, возведенная в норму, в обычай, это, видимо, особенность Русской системы, обретшая качества института, долгосрочного и устойчивого, постоянно воспроизводимого в данном обществе.

Изложенная схема, основанная на понятиях, введенных в научный оборот Пивоваровым и Фурсовым, представляется весьма конструктивной. Но авторы, предьявляя ее, правда, в несколько ином виде, подвергают критике применение к России других схем, например деления общества на классы. Они утверждают, что власть не допустила формирования у нас классового или сословного общества. Если что и было, то в неопределенном, незрелом виде, без реальной борьбы классов. Они находят, что русское общество, как его назвал А. Неусыхин, было дофеодальным, т.е. поздневарварским, неклассовым [Пивоваров, Фурсов, 1999, с. 185].

Я, пожалуй, соглашусь с этим утверждением в том смысле, что славянские племена, спустившиеся с Карпат и распространившиеся по Восточно-Европейской (Русской) равнине, оседлавшие Днепр и дошедшие до Верхней Волги, еще не дошли до феодализма. Чтобы до него дойти, нужны были государственные образования и органы управления ими, которые уже располагали бы и средствами принуждения. Чтобы осуществился этот переход, всюду очень важный, болезненный и плохо изученный, должны были произойти события вроде нападения древлян на князя Игоря и последующей мести княгини Ольги. И потом становление и развитие феодализма или античной рабовладельческой системы, а с ними — государства представляли собой процесс, поначалу похожий на войну, а затем на усмирение побежденных, принуждение их к уплате дани или податей. Где-то это была борьба племен, где-то внутриплеменные раздоры, где-то поединки или схватки, после которых поднимались над толпой или собранием головы проигравших. А победитель приступал к завоеванию единоплеменников. Без чего-то подобного не мог произойти переход к государственной организации, с лидером и элитой. Это уже был зародыш классовой структуры, в которой были разные слои, предназначенные для разных социальных функций, в том числе принуждения. Но уже с Киевской Руси феодализм на Руси был, разве что его так не называли, ибо это был другой феодализм. Впрочем, и на Западе он в это время тоже не имел названия.

Своеобразие России Пивоваров и Фурсов хотят найти в том, что к ней не подходят известные по другим странам сетки понятий и мер. Вроде государство, но не совсем. Вроде классы или иные социальные группы, но какие-то другие. А что особенное? — власть: не политическая, не государственная, а метафизическая. «Она рушилась и рушила все вокруг себя всякий раз, как начинала преобразовывать русскую реальность на западный манер и воспринимать самое себя на такой же манер» [Пивоваров, Фурсов, 1999, с. 181]. В этом же видится контрпродуктивность русских реформ. Вывод: Русская власть носит у нас системообразующий характер.

Что-то плохо доходит до меня эта метафизическая мысль. Князевство — понимаю, конструктивная идея. Понимаю, что Власть, а Русская власть особенно, хочет быть абсолютной,

единоличной и для этого нуждается в мифах о своей особости. Тогда объяснимы и суждения Пивоварова и Фурсова. Но ведь у них нет и не может быть задачи мистифицировать Власть уже ушедшую? Или, может быть, они ожидают ее возвращения? Вряд ли.

Если для объяснения прошлого, имеющего рецидивы и в настоящем, то власть, опирающуюся на князевство или нечто институционально схожее, легче воспринимаемое как русская традиция, — это я тоже понимаю. Русская власть носит у нас системообразующий характер. Русскую систему понимаю; как понимаю — сказано выше. Но для этого не нужна метафизика, как и убеждение, что «Умом Россию не понять<...> В Россию можно только верить».

Русский город

Одно из главных отличий России от Европы состояло в том, что в ней не сложилась городская жизнь, которая в Западной Европе стала столь характерной составляющей общества еще с XI—XII вв., наряду с феодальными институтами и в борьбе с ними. Развиваются торговля и ремесленная промышленность, банки. Они возрождали античное наследие и воплощали расширение рыночной сетевой модели при доминировании до поры социальной иерархии.

Гардарикой, страной городов, называли Русь древние варяги. Ключевский пишет о Киевской Руси как о стране городовых областей против удельных княжеств Верхней Волги. Но с усилением давления кочевников с Востока они вскоре стали приходить в упадок. Великороссия, привлекавшая славян из мест прежнего расселения, была в отличие от них сельской страной. Города играли более скромную роль, причем длительное время.

М.И. Туган-Барановский так писал об этом:

«В России прежнего времени не было города в том смысле, в каком он был в Средние века в Западной Европе. Прежде всего, городов в России было так мало, что они тонули в общей серой массе деревень. Но и те города, которые были, имели иной характер, чем города на Западе. Город на Западе был центром мелкой промышленности, работавшей не на торгового посредника, а непосредственно на потребителя. В России же город был преимущественно административным и торговым цент-

ром, а промышленность была раскинута главным образом по деревням. Во многих местах России издавна была развита кустарная промышленность — преимущественно там, где почва была мало пригодна для земледелия, и населению приходилось прибегать к подсобным заработкам. Но между западноевропейским городским ремесленником и русским деревенским кустарем было существенное различие: первый работал на местного жителя, на местный рынок, а второму приходилось работать на отдаленный рынок (ибо местного рынка не было), почему являлась необходимостью в торговом посреднике. Таким образом, из отсутствия городов вытекала необходимость торгового капитала, и торговый капитал подчинял себе мелкого производителя. Купец был необходим для русского кустаря потому, что потребители кустарных изделий были развезены по всей огромной территории России и прямые сношения с ними были невозможны для кустарей.

Отсутствие городского ремесла имело своим естественным следствием особенно влиятельное положение в экономическом и социальном строе Московской Руси капиталиста-торговца.

Политическое преобладание Москвы основывалось, между прочим, и на том, что Москва была торговым центром громадного края, промышленность которого находилась в непосредственном подчинении торговому капиталу, сосредоточенному преимущественно в Москве. Торговый класс был, вслед за земельным дворянством, самым влиятельным классом старинной Руси».

В то же время Московское государство совершенно не знало того социального класса, который сыграл такую огромную роль в истории Западной Европы, — класса свободных городских ремесленников. Российские исследователи, например Н.П. Павлов-Сильванский, находят в Древней Руси элементы феодального строя. Но цеха, городского ремесла — в том виде, как это сложилось на Западе, — Россия ни древняя, ни новая никогда не знала. Россия не знала той стройной и законченной организации мелких промышленников, на почве которой возникла вся культура капиталистического Запада; городские общины не только завоевали свою свободу от власти феодалов, но и привели в конце концов к крушению абсолютной монархии. «Die städtische Luft macht frei» (городской воздух дает свободу), — повторим то, что говорили в Средние века, и эта

поговорка была полна глубокого смысла (хотя поначалу в нее вкладывался только тот смысл, что крепостной крестьянин, попав в город, сразу становился свободным. — *Е. Я.*). У нас не веял этот воздух торгово-промышленного города, добившегося обширных прав, — и поэтому не было почвы для свободы [Туган-Барановский, 1918, с. 108].

Русский город и выглядел совершенно иначе. Во-первых, он не играл никакой политической роли (кроме столицы). Никакого особого духа. Городом считалось поселение, где был воевода. Он и выполнял в основном военно-административные функции, в меньшей степени — торговые.

Во-вторых, городов было мало: при Иване III — 63 города, в начале правления Ивана IV — 69. В 1610 г., при значительном увеличении территории, — 138 [Пайпс, 2004, с. 277].

Если расширить определение города, посчитав им любой укрепленный пункт, содержащийся за правительственный счет, то в середине XVII в. в России было 226 городов с населением примерно 537 тыс. жителей. В Москве — 100–200 тыс., в Новгороде и Пскове — по 30 тыс., в других городах — не более 10 тыс. По застройке они практически не отличались от деревень.

Население страны состояло в основном из дворян и крестьян, землевладельцев и земледельцев. Добавим еще доли на духовенство и посадских, т.е. жителей городов. Образ посада, как его представляет Пайпс, это поселок около Кремля (т.е. городских укреплений). В посаде население делилось на три части — дворяне, крестьяне и посадские. Из них только последние были привязаны к городу. Промышленность, какая была, почти вся размещалась в деревне.

Уложение 1649 г. дает представление о том, как регулировалась жизнь посадских. Там мы находим юридические нормы, которые регламентировали жизнь посадских (горожан, граждан, городских обывателей, а с конца XVIII в. — мещан). Все это разные названия того сословия (социальной группы), которое жило за счет в основном торгово-промышленной деятельности в черте города.

Посадские были прикреплены (приписаны) к городской общине, как крестьяне к сельской общине; обязанность членов городской общины — платить налоги и нести разные натуральные повинности, круговая порука в исполнении обязанностей. В то же время записи в Уложении 1649 г. о посадских сделаны

на основе их же прошений. Они были представлены в Земском соборе, который принимал Уложение. Но здесь и речи не могло быть о «духе свободы», который изливался бы из городов, как в Европе. Только после указов Екатерины II 1785 г. российские города обрели более свободный статус и стали постепенно накапливать внешние отличия от деревень.

7. Империя

Четвертый период русской истории Ключевский называет всероссийским, акцентируя внимание на включении в состав Московского государства других земель с восточно-славянским православным населением, входивших в состав Киевской Руси, — Малороссию, Белоруссию, Новороссию. Я предпочел бы называть этот период имперским, так как, во-первых, в состав российского государства еще раньше вошли территории, изначально не заселенные родственными славянскими народами (Казанское и Астраханское ханства с середины XVI в.). А во-вторых, с тех пор Россия продемонстрировала поразительный пример успешной территориальной экспансии, превратившей маленькое княжество в колоссальную империю, самое большое по площади государство мира.

В 1300 г. Московское княжество располагает территорией в 20 тыс. кв. км.

В 1462 г. Великое княжество Московское при вступлении на престол Ивана III имело территорию в 430 тыс. кв. км.

Такова примерно площадь Великороссии — национально-го государства русских того времени. Иван III еще присоединил Новгород и Псков с их землями.

В 1533 г. при вступлении на престол Ивана IV московское царство располагало уже 2,8 млн кв. км. Это еще было русское национальное государство. Захватив Казань и Астрахань, Иван IV открыл дорогу на восток и юг, положил начало экспансии. Уже тогда — это середина XV в. — Россия стала превращаться в империю, где, по определению, титульный народ, русские, захватами и присоединениями подчиняли своему господству другие народы и занимаемые ими территории [Ливен, 2005, с. 375].

В конце XVI в., к началу Смуты, территория Московского царства достигла уже 5,4 млн кв. км.

В первой половине XVII в. охотники за пушниной практически без сопротивления прошли всю Сибирь до Китая и Тихого океана. Шедшие следом царские чиновники объявляли эти земли собственностью русского царя. За 50 лет к территории России было добавлено еще 10 млн кв. км [Пайпс, 2004, с. 116–119].

С середины XVII в. до Первой мировой войны территория России выросла еще в 1,55 раза, с 14,1 млн кв. км в 1646 г. до 21,8 млн — в 1914 г. Территория СССР — 22 млн кв. км. За тот же период население увеличилось с 7 млн до 178 млн человек. Только США в это время опередили Россию по темпам роста населения: с 1790 по 1915 г. их население выросло с 3,9 до 100,5 млн человек, в 1897 г. на территориях, присоединенных к России после 1646 г., проживало 76,9 млн человек, из них только 12,2 млн, или 15,7%, были русскими. На территориях, входивших в состав России до 1646 г., проживало 52,0 млн человек, из них 8,5 млн, или 16,3%, были нерусскими [Миронов, 2003, т. 1, с. 20–21]. Всего, таким образом, в конце XIX в. нерусские составляли 56,8% населения Империи. Это был предел экспансии. До 1991 г. он уже практически не был превзойден.

Попробуем разделить имперский период российской истории на подпериоды или этапы. Мне представляется полезным следующее членение.

1. Допетровский этап.
2. Петровский.
3. Александровский (от Великих реформ до 1917 г.).
4. Советский период.

Эти четыре этапа характеризуются одним ключевым общим свойством: иерархическая структура господства-подчинения меняет формы, но сохраняется и даже упрочивается. В допетровский период нашу страну никто не считал империей, хотя она уже ею была или становилась. На втором и третьем этапах, от Ништадтского мира до 1917 г. это была империя и формально. Но на третьем этапе, после отмены крепостного права и до Октябрьской революции, происходит процесс разложения имперских форм, развиваются рыночно-сетевые структуры, капитализм. Параллельно традиционные формы и поддерживающие их общественные силы сопротивляются переменам. Складываются политико-экономические группы и коалиции интересов, отражающие либо их взаимные выигрыши-проигрыши, либо компромиссы.

Советский эксперимент как бы обозначал крах империи, формально ее не стало. Но после короткого постреволюционного расцвета социалистического романтизма восстанавливается и укрепляется административная и социальная иерархия, рыночные сети подавляются, возрождается дух экспансии, а со всем этим — все признаки империи. Когда советский эксперимент закончился, как-то большинство признало, что он продлил жизнь империи.

Кратко пройдемся по этим этапам.

Допетровский этап

Условно он охватывает 1550–1700 гг., с завоевания Казанского и Астраханского ханств, и продолжает историю Московского государства, прежде всего в части господствующих внутривластных отношений: вотчинный режим, самодержавие, боярство и дворянство, при усилении последнего — по замыслу царя, чтобы унять интриги бояр. Вытеснение вотчин поместьями, прямо обусловленными службой. Крестьянство, все более переходящее в крепостное состояние.

Завоевание Сибири после Казани и Астрахани стало важнейшим фактом становления Российской империи. Смута, порожденная борьбой между монархией и боярством, стала тяжелым испытанием для государства, но и усвоением урока, что государство — это не только власть царя, но и организация жизни национального сообщества. В конечном итоге Смута оказалась только эпизодом русской истории. Новая династия, по сути, меняла прежние порядки и возобновляла экспансию. Самым ярким фактом этого этапа стало присоединение Левобережной Украины и Киева. Но последовавший период трудно считать демилитаризацией. Скорее, это был кризис личностей на престоле. Уже Елизавета использовала плоды преобразований отца в военной сфере, еще более результативным было правление Екатерины II.

Петровский этап (1700–1861 гг.)

Этот этап обозначился как поворот к Европе, прежде всего в заимствовании поверхностных порядков и в смене направления экспансии — с Востока на Запад и Юг. При этом основ-

ные внутренние институты не менялись. Более того, они использовались в достижении целей, выдвигавшихся монархией. Достаточно напомнить о строительстве Северной столицы или формировании горнозаводского Урала за счет переселения из Центральной России крепостных деревень.

Эта эпоха — типичный пример цикла мобилизации через милитаризацию ради модернизации, с последующей демобилизацией. Но последняя была просто расслаблением, неизбежным после ухода великого деятеля, каким был Петр I. Расслабление не затрагивало принятые порядки: никакой либерализации. Попытка «верховников» ограничить власть монарха кончилась ничем. Гвардия играла роль охранителя именно порядков, защищая их консервативные стороны. Но продолжалось это недолго. Уже Елизавета дала пример усиления армии, обретшей способность одерживать победы на полях Европы. В еще большей мере великая государыня Екатерина II продемонстрировала продолжение курса Петра и одержала новые победы на Юге и на Западе, подводя Россию к апогею могущества. Апогеем была роль России в победе над Наполеоном. А еще через 40 лет разразился кризис, приведший к поражению в Крымской войне 1854–1856 гг. До этого порядки как-то стали меняться — упомянем Указ о вольности дворянства Петра III и Жалованную грамоту Екатерины II: дворяне перестали быть крепостными. Но крестьяне — нет.

Александровский этап (1861–1917 гг.)

Я назвал его так в силу чрезвычайной важности Великих реформ Александра II, положившего начало расставанию с империей, хотя царь-освободитель еще успешно продолжал колониальные войны на Кавказе и в Средней Азии.

Более важно, что этот этап был завершающим в формальной истории Российской империи, но одновременно он открыл принципиально новую стадию развития в русской истории — переход от иерархической структуры, лица феодализма, к сетевой структуре, к рыночной экономике и капитализму. Это был снова поворот к Европе, но уже не поверхностный, а глубокий, затрагивающий основные институты общества. Эту стадию мы переживаем и сейчас.

Великие реформы разворачивались с большим трудом и имели драматическую судьбу. Сказывалась неготовность на-

селения, даже обыкновенных его кругов подчиняться не насилью, но закону. Оправдание в суде Веры Засулич, стрелявшей в человека с намерением убить его, ради прекрасного будущего, хотя это тяжкое преступление, очень многое говорит о том, как в российском обществе относились к идеалам и к институтам права, без которых эти идеалы нереализуемы. Общество оказалось резко поляризовано. В борьбе противостоящих групп применялись террор и репрессии. Накал страстей исключал переговоры и соглашения.

Только спустя 20 лет после реформ началось оживление в экономике, развитие промышленности и строительство железных дорог стали набирать темпы. В 1890-х годах по темпам, как мы видели, Россия вышла на первое место в мире вместе с США и Японией.

Сеть железных дорог покрыла огромную страну, дотянувшись к концу XIX в. до Тихого океана. Созданы были мощная угольно-металлургическая база на Юге, нефтяная база в Баку, разветвленная легкая промышленность в Нечерноземном центре.

Аграрный вопрос

Но главным вопросом для России был аграрный. В сельском хозяйстве ко времени революции было занято три четверти населения, около 90% жило в сельской местности. И в этом вопросе продвижение было гораздо слабее. Казалось бы, получив свободу в 1861 г., крестьянство, по сути, оплачивало свое освобождение. В 1882 г. по инициативе министра финансов Н. Бунге были снижены выкупные платежи, а полностью их отменили только в 1907 г., в ходе крестьянской волны революционных выступлений. С отменой крепостного права крестьяне потеряли до 20% земли, выкупали землю по ценам на 25% выше рыночных. Надельная земля до 1907 г. не была признана частной собственностью и по закону была исключена из рыночного оборота [Миронов, 2003, т. 1, с. 403–410].

И это не было следствием обмана. В сознании не только крестьян, но и интеллигенции преобладало отрицательное отношение к частной собственности на землю. Только в 1907 г. правые партии, защищая помещное землевладение, стали поднимать вопрос о праве частной собственности на землю. У ле-

вых и центристов оно никак не связывалось с правами человека. Реально только в столыпинской аграрной реформе частная собственность получила должный вес в противопоставлении собственности общинной, и как юридическая форма, а не просто как право пользования.

Все же в аграрном секторе в конце XIX в. происходили серьезные изменения, связанные с развитием рыночных отношений. Губернии разделились на производящие и потребляющие в плане продукции товарного зернового хозяйства. В производящих губерниях, располагавшихся на Юге, в Поволжье, отчасти в Сибири, развивались рыночные и капиталистические отношения, рос экспорт, применялись машины. Потребляющие губернии, большей частью центральные и северные, в силу худших природных условий отставали, питали рабочей силой растущие города, поставляли им продукты животноводства, овощи. Здесь больше сохранялись старые порядки. В производящих губерниях развивались рыночные отношения и капитализм. В центре сохранялись пережитки крепостничества и феодализм.

Здесь, на большой доле территории страны, были живы феодальные традиции. Следовательно, здесь коренились и прежние институты, во многом предопределявшие поведение населения, в том числе и в других регионах. В частности, речь идет о терпимости большей части населения к произволу вышестоящих, к беззаконию; о готовности сносить эксплуатацию и несправедливость сильных мира сего. И в то же время в ответ проявлять, когда удастся, недисциплинированность, стремление уйти из-под контроля, не считаясь с законами, извлекать собственные выгоды, сговариваясь с другими, близкими по положению людьми.

Прочитую М.И. Туган-Барановского.

«Еще одним коренным отличием исторических условий развития России сравнительно с Западом ...была необычайная сила и устойчивость в России принудительного труда. Нигде рабство не пустило таких глубоких корней в народную жизнь, как в России. И что всего замечательнее, рабство у нас не отмирало по мере поступательного хода истории, а все теснее и теснее сплеталось с нашим хозяйственным и социальным строем. В этом отношении чрезвычайно характерна история нашего крепостного права. В XV–XVI веках оно еще не сложи-

лось в определенный социальный институт. В XVI и XVII веках закрепощение крестьянина заканчивается... Российское государство развивает все дальше свое политическое могущество, превращается в колоссальную империю, и все ниже и ниже падает крестьянин» [Туган-Барановский, 1918, с. 108].

Еще один важный момент: во второй половине XIX в. в России наблюдался очень большой рост населения. В 1811–1851 гг. население росло на 0,6% в год, в 1851–1897 гг. — на 1,1–1,3%, а в 1897–1913 гг. — на 1,7%. Для сравнения: в 1900–1910 гг. в Германии темп роста населения составлял 1,4% в год, в Англии — 0,9%, во Франции — 0,2% [Демографическая модернизация России, 2006].

Конечно, это был прежде всего рост сельского населения (на 87% в 1861–1910 гг.), что заставляет подумать о его связи с отменой крепостного права: общинная форма собственности на землю стимулировала рост, ибо каждый новый работник мог рассчитывать на автоматическое обеспечение землей. Началось аграрное перенаселение: к 1901 г. избыток рабочей силы в деревне составил 23 млн человек, к 1914 г. — 32 млн человек [Миронов, 2003, т. 1, с. 412]. Отток рабочей силы в города, в Сибирь лишь отчасти решал проблему.

Кризис в аграрной сфере нарастал. Только Столыпинская реформа, как представляется, давала адекватный ответ, стимулируя отток рабочей силы из регионов, где был ее наибольший избыток, и в города, и в новые районы земледелия. Но это требовало много времени, которого, как стало ясно позднее, уже не было.

Итоги великих реформ

Результаты развития России после 1861 г. и до начала Первой мировой войны в целом можно считать успешными вопреки общепринятой многообразной критике.

Во-первых, результатом явилось развитие экономики, особенно ее современных отраслей — промышленности, транспорта, банковской системы.

Во-вторых, страна в значительной степени, хотя и большим трудом, освободилась от феодальной крепостной зависимости, теперь уже крестьян. Правда, остались многочисленные

пережитки крепостничества, влияния общины, полицейского надзора, но, оглядываясь на то, что удалось сделать, можно утверждать, что были заложены основы дальнейшего социального развития страны. Особо следует отметить Столыпинскую аграрную реформу. Это означает, что Россия сильно продвинулась в деле перехода от иерархической к рыночно-сетевой системе социальной организации.

В 1905–1907 гг. происходит первая русская революция, в результате которой Россия получает **Конституцию** (основные законы 23 апреля 1906 г., подготовленные на базе Манифеста 17 октября 1905 г.) и **Парламент** — Государственную Думу и Государственный Совет, наполовину назначаемый царем). Она становится **конституционной монархией**.

Это, можно сказать, финальное достижение периода Империи. Думы первых двух созывов были распущены. Только третья Дума после еще одних выборов на основе изменений в Основных законах смогла стабильно работать. Для этого новый избирательный закон от 3 июня 1907 г. довел долю так называемых цензовых депутатов (способных пройти образовательный, имущественный и иные цензы) до 65% [Миронов, 2003, т. 2, с. 160].

В.А. Маклаков, лидер кадетов, уже в эмиграции так оценил это достижение:

«Была объявлена настоящая конституция, и власть Самодержца сделалась ограниченной по закону. Люди, которых воспитывали в убеждении, что Россия от неограниченного самодержавия неотделима, дожили до того, что слово “самодержец” стало историческим титулом, а термин “неограниченный” был вычеркнут, как не отвечающий существу нашего строя» (цит. по: [Там же, с. 138]).

К концу Александровского этапа, пусть трудно и драматично, Россия прошла большой путь от феодальной, образцово иерархической монархии к стране со сравнительно развитой, более или менее современной промышленностью, сетью железных дорог, покрывающей всю населенную территорию огромной страны. Аграрный сектор вступил в полосу преобразований, которые должны были завершиться появлением на карте мира большой страны, близкой по уровню к наиболее развитым странам, которые в то время можно было принять за образец. Благодаря становлению новой для нее рыночно-сете-

вой экономики и органично дополняющей экономику демократической политической системы, страна имела неплохую перспективу.

Однако напряженность социально-политических конфликтов между различными классами общества определяла многочисленные угрозы ее стабильному развитию. Они не предопределяли неизбежность краха государства: большая часть трудностей перехода к рыночно-капиталистической системе была пройдена. Существовало как бы две основных траектории дальнейшего движения: либерально-демократическая, представленная центристскими партиями — кадетской и октябристской, за которыми стояла российская буржуазия, и левая социалистическая, представленная эсерами (социалистами-революционерами), претендовавшими на выражение интересов крестьянства, а также социал-демократами (большевиками и меньшевиками). Влияние кадетов и октябристов при стабильной обстановке было сильнее, и нормальное развитие в мирных условиях должно было еще больше его усиливать. Однако имперско-консервативная элита, терявшая влияние в обществе, но усиливающая влияние на императора, хотела сохранить свои позиции. Она выбрала войну — самый трагический сценарий для нее самой и для России. Война обусловила крах. Миллионы крестьян, не удовлетворенных своим положением, получили в руки винтовки. В итоге из перипетий мировой и гражданской войн победителем вышла партия большевиков, готовая поставить крест на экономических и политических достижениях страны ради испытания своих радикальных идей. Начался социалистический эксперимент.

8. Советский период

Он продолжался 74 года, больше 56 лет александровского этапа. Много ли успели? Начиналось все с мечты: ликвидировать частную собственность; вместо рынка, который одних обогащает, а других обирает, введем народнохозяйственное планирование. Создадим условия для справедливости. Но этому будут сопротивляться буржуазия, помещики, кулаки. Поэтому для изменения общественных отношений нужно оружие. Приходится быть безжалостным. А изменятся общественные отношения — и люди станут другими. Освободившись от жадности, зависти,

других пороков, люди станут добрее, справедливее, отзывчивее. Многие разделяли эту мечту. Я бы не писал эти строки, если бы, было время, сам в молодости в них не верил.

Людей было легко убеждать во вредности частной собственности, потому что в России она была внове. Большинство крестьян не имели ее и были привязаны к институтам общины. Мечта казалась правдоподобной. Все же оживление в экономике наступило только с нэпом.

Главный этап

Главный этап строительства социализма — индустриализация, коллективизация, культурная революция. Репрессии, уничтожение «врагов». В итоге предприятия стали общественными, родилось планирование. Рыночная экономика была ликвидирована, остались разве что колхозные базары и кооперативные цехи. Общественные отношения изменились, а мотивы и поведение людей не стали лучше. Наоборот, появились новые пороки. Оказалось, институты меняются, изменяя поведение, но не обязательно к лучшему, а как выгоднее. Рыночная модель формирует поведение участников сделок лучше, способствуя увеличению общего эффекта.

Короче, все более очевидной становилась несостоятельность социалистического эксперимента. Особенно ясно это становилось при сравнении послевоенных Европы и СССР. И что особенно интересно, чем дальше, тем больше в бюрократической иерархии Советского Союза и других социалистических стран проглядывали свойства других иерархических систем, феодальной или бюрократической, типа традиционной китайской. Идеи самого передового общественного строя превращались в своеобразную реставрацию хорошо известной по прошлому иерархии, в воспроизведение замшелой традиции. Отсталость, конечно, также играла свою роль: социализм находил отклик в сердцах крестьян-общинников.

Снова экспансия

Возродилось и стремление к экспансии. С самого начала пожелания поляков и финнов об обретении независимости еще были услышаны. Но затем сохранение прежних имперских

завоеваний стали оправдывать идеей распространения самого передового строя, освобождения народов. В 1922 г. основанием СССР была возрождена былая империя. Сговор с Германией относительно Прибалтики, Западных Украины и Белоруссии был следующим шагом. Война с Финляндией не стала еще одним в силу поражения. Вторая мировая война закончилась приобретением Восточной Пруссии (Калининградская область), Южного Сахалина и ряда островов Курильской гряды.

Но это были мелочи в сравнении с построением сферы влияния, которая в лучшие времена охватывала всю Восточную Европу, Китай, Вьетнам, а позднее — Кубу, Афганистан, Эфиопию, Анголу и Мозамбик. Она продержалась недолго, но все же принесла СССР титул второй сверхдержавы.

Конец эксперимента

Открытие новых месторождений нефти в Западной Сибири и ее подорожание в разы с 1973 г. продлили жизнь и кажущееся процветание социалистического лагеря. В это время внутренний кризис уже с 1960-х годов разъедал систему, делая все более очевидной несостоятельность ее основных конструкций. Попытка Горбачева перестроить их плюс значительное снижение мировых цен на нефть подвели систему к краху. Он и состоялся в 1991 г. Рыночные реформы, проведенные в это время, кроме попытки спасения страны, означали конец социалистического эксперимента в России. Одновременно после Беловежской Пуши в декабре 1991 г. закончилась, в этот раз, видимо, необратимо, и история Российской империи. Началась новая эпоха.

9. Подводя итоги

Пришла пора делать выводы из сказанного выше. Те выводы, которые касаются дальнейшего развития нашей страны.

Преимущества европейской цивилизации

Наш анализ показал, что для современных условий наиболее эффективна европейская цивилизация. Она доказала свое превосходство в последние 200–250 лет, в том числе фактом мощного рывка после начала в Англии промышленной ре-

волюции. Ее опора на рыночно-сетевую модель социальной организации предполагает широкую свободу предпринимательства, конкуренцию и верховенство права. В политической сфере эти элементы дополняются свободными выборами, многопартийностью, свободой слова. В итоге такая система создает наилучшие условия для роста производительности и генерации инноваций для рынка. Страна, которая хочет быть достойно представлена в современной экономике, должна формировать у себя подобную систему, добиваться соответствующих изменений в своей культуре.

Глобализация, существенно влияющая на мировую экономику в последние десятилетия, есть реальный процесс распространения этой системы в мире.

Самодержавие и крепостничество — особенности России начиная с XIII–XV вв.

В отличие от Европы, где рыночно-сетевая модель и соответствующая культура развиваются приблизительно с того же времени, опираясь на античное наследие и средневековые города, на Руси примерно с ордынского нашествия (тоже XIII в.) накапливались отличия от общих европейских корней. Здесь еще с удельного периода в связи с заменой очередного наследования на наследование по завещанию или «от отца к сыну» укореняется патриархальная семья, принципы которой перенимаются и в государственном управлении: иерархия, всевластие главы, насилие, беззаконие, ограничиваемое лишь традициями. Самодержавие как неотъемлемое свойство русского государства. Реализация этих свойств обеспечивалась институтом, который Ю. Пивоваров и А. Фурсов назвали «князебоярством».

В течение примерно 600 лет такая система правления господствовала на Руси. От Московского великого княжества она в своих принципиальных основах сохранилась и в Империи, по меньшей мере до 1861 г., и лишь постепенно уступала в вопросах ограничения всевластия монарха.

Она же способствовала распространению крепостничества, которое к концу XVII в. охватывало все сословия русского общества. Самодержавие и крепостничество оказали огромное влияние на его развитие, сделав особенно глубокими отличия

России от Европы, прежде всего в препятствиях для принятия институтов, способствовавших повышению конкурентоспособности, обеспечению свободы и прав человека.

Особенности народа — предмет дискуссий

Отличительные черты российской системы правления зачастую оправдываются особенностями народного характера, с которым трудно справиться.

Б.Н. Миронов пишет о крепостничестве:

«Оно способствовало формированию командной (! — *Е. Я.*) экономики, политического абсолютизма, авторитарных отношений в обществе и семье. Крепостничество сдерживало развитие городов, буржуазии, частной собственности, личных и политических свобод... развращало общественную психологию народа всеобщим похолоплением, воспитывало некоторые отрицательные черты в русском национальном характере».

Это с одной стороны. А вот с другой. Крепостничество «...являлось результатом слабого развития индивидуализма, оборотной стороной широты русской природы и народного понимания свободы... простой русский человек — крестьянин или горожанин — нуждался в надзоре... он был склонен к спонтанности поведения из-за недостатка самоконтроля и дисциплины. Крепостничество являлось реакцией на экономическую отсталость, по-своему рациональным ответом России на вызов среды и трудных обстоятельств, в которых происходила жизнь народа».

Таким образом, крепостничество, с одной стороны, квалифицируется как препятствие развитию, а с другой — оправдывается разнообразными свойствами русских людей, большей частью врожденными.

С этим нельзя согласиться. Так же как с самодержавием или авторитаризмом как непеременимыми в России методами правления. Правда в том, что в силу стечения обстоятельств в определенный момент истории самодержавие и крепостничество закрепились у нас, вошли в традицию, в какой-то момент потребовалось прикреплять людей к земле, чтобы решать проблему рабочей силы в боярских и дворянских имениях в стране с огромными просторами, где вольные люди всегда могли найти себе применение в других местах. Эти институты стали тради-

цией, к которой граждане относятся примирительно просто потому, что это уже давно было у нас. Но пришло время, когда страна нуждается в обновлении, в свободе и правах человека, хотя для нас это непривычно, особенно для правителей.

Верховенство права против иерархии

К этому добавим, что самодержавие, или авторитаризм, препятствует верховенству права, утверждению законности и независимости суда. Точнее, чем ближе мы подходим к нашему времени, тем больше власти стремятся формально соблюдать законы, даже использовать их, вводя в законодательство удобные для себя нормы, чтобы потом манипулировать ими. Реальное уважение права заменяется господством формалистики.

Но надо иметь в виду, что естественное право воспринимается людьми как противостояние всякому манипулированию, и это определяет падение престижа власти, когда она злоупотребляет формалистикой и манипуляциями. В обществе крепнет понимание необходимости истинного правопорядка, справедливого для граждан и составляющего условие эффективности рыночной экономики.

10. Новая эпоха

Перестройка и цены на нефть. Три задачи

В середине 1980-х годов в СССР начались серьезные перемены. Все более очевидным становился кризис советского эксперимента: его претензии на то, чтобы стать передовой силой мирового развития, оказались неосновательными. Издержки, вытекавшие из этих претензий, становились чересчур обременительными. Новое партийное руководство во главе с М.С. Горбачевым решилось на существенные перемены, чтобы изменить ситуацию. Сначала в рамках социалистического выбора. С 1987 г. начались попытки экономических реформ, с 1988 г. — демократизация политической системы. В 1989 г. состоялся I Съезд народных депутатов, на котором впервые за советские годы выступила оппозиция — Межрегиональная депутатская группа.

В 1989 г. резко упали цены на нефть.

В госбюжете образовалась дыра, тень экономического кризиса надвигалась на страну. С 1990 г. начался открытый спад. Предпринимавшихся мер было недостаточно. Нужно было решаться на принципиальные изменения.

В сущности, перед страной стояли три задачи. Первая — экономическая реформа с переходом к рыночной экономике. Вторая — ликвидация империи. Третья — перестройка политической системы, демократизация.

Перемены начались по всем трем направлениям, с разным успехом.

По существу, в России начиналась новая эпоха, предполагавшая открытие для страны тех возможностей, которые предоставляли наиболее современные технологии и институты и которые уже демонстрировали свои преимущества в развитых странах с рыночной экономикой и демократией. Но надо напомнить, что эта эпоха началась у нас уже в середине XIX в. и страна до Первой мировой войны прошла немалый, хотя и противоречивый путь. Это был первый этап постфеодального развития. Вторым этапом был советский социалистический эксперимент, в ходе которого под флагом борьбы с отсталостью и эксплуатацией человека человеком многие результаты предшествующей эволюции были уничтожены, а в ряде случаев на их место были возвращены, хотя и в иных формах, традиционные полуфеодальные институты. Рыночная экономика и предпринимательская деятельность оказались вытеснены иерархическими структурами власти и подчинения. Ожидалось, что советский эксперимент принесет неоспоримые доказательства правоты марксистской доктрины. Напротив, он показал, весьма дорогой ценой, ее несостоятельность.

С 1985 г. в СССР начались перемены, которые, по сути, являлись третьим этапом постфеодального, современного развития страны.

Рыночные реформы и трансформационный кризис

Первая из задач этого этапа — рыночные реформы начались в 1992 г., после того как в августе 1991 г. провалился вооруженный путч ГКЧП и к власти пришел Б.Н. Ельцин. Его убедили,

что реформы в экономике наиболее важны, и их стал готовить Е.Т. Гайдар. Программа этих реформ готовилась параллельно в нескольких центрах, в том числе группой Гайдара, но и группой, работавшей в союзном правительстве. Летом 1990 г. под покровительством Горбачева и Ельцина и по инициативе их помощников Н. Петракова и Г. Явлинского была образована группа по подготовке согласованной программы перехода от плановой к рыночной экономике, которую назвали «500 дней».

В ней, а также в программе Гайдара предлагался комплекс взаимосвязанных мер: 1) либерализация цен; 2) борьба с открытой инфляцией, которую вызвала бы либерализация цен; 3) открытие экономики, свобода торговли, включающая внешнюю; 4) приватизация.

Гайдар и его команда выполнили эту программу. К середине 1994 г. была завершена массовая приватизация. В 1997 г. инфляцию удалось снизить до 11% в год. Но в 1998 г. разразился финансовый кризис, который позволял делать вывод о том, что план Гайдара, принесший нелегкие испытания для народа, потерпел неудачу. На самом деле кризис 1998 г. имел серьезные внешние причины, кроме того, его подтолкнули некоторые ошибки реформаторов. Ситуация, однако, быстро изменилась после объявления дефолта и глубокой девальвации рубля.

Тогда казалось, что все усилия реформировать российскую экономику пошли прахом. Но на деле с этого момента начался восстановительный рост, последствия кризиса 1998 г. были быстро преодолены.

Восстановительный рост продолжался до 2008 г., будучи поддержан с 2003 г. высокими темпами роста цен на нефть. Стало очевидно, что реформы 1990-х годов в целом были удачны, в России была воссоздана рыночная экономика. В 2008 г. ВВП РФ превысил уровень 1990 г. на 8%.

Распад империи. Россия — национальное государство

В конце 1991 г. в Беловежской Пуше три крупнейшие восточнославянские республики СССР — Россия, Украина и Белоруссия подписали соглашение о его роспуске и замене Содружеством Независимых Государств (СНГ). Главной силой была Украина, где незадолго до этого прошел референдум о

независимости. Ельцина, видимо, подталкивало еще желание избавиться от остатков союзного центра и от Горбачева. Но, думаю, что он был отягощен мыслью, что в каком-то смысле роспуск СССР — это потеря для России. СССР и был Россией, завершающим этапом существования великой империи. Многие русские испытывали ущемление своего достоинства.

И можно было не сомневаться, что конец империи не наступит так просто. Будет еще много событий, напоминающих об империи и о тяготении к каким-то ее символам.

Но по сути должно было быть ясно, что восстановление экономики России, повышение благосостояния ее народа, его культурное развитие будут облегчены в новых условиях. Стоит отметить, что в Российской империи число лиц нерусской национальности превышало число русских. Это создавало большие проблемы. Та же ситуация была в СССР. После распада СССР Россия впервые за долгие годы стала национальным государством: в 1991 г. русские составляли 85% ее населения. К 2010 г. их доля сократилась до 80%, но все равно мы теперь являемся национальным государством в мире национальных государств. Это не исключает идентичности всех жителей России как гражданской, а не этнической нации. Напротив, гражданская нация предполагается. Многие обстоятельства говорят в пользу того, что Россия в XXI в. будет нуждаться в притоке мигрантов, прежде всего из окружающих стран, хотя это и будет вызывать определенные напряжения со стороны коренного населения. Тем не менее для России естественно во всех отношениях жить под лозунгом не «Россия для русских», а, как предложил В. Бондаренко, «Россия для всех».

Россия и демократия

Из трех задач, стоявших перед Россией с начала новой эпохи, две решены: есть рыночная экономика, пусть недостаточно эффективная; и есть национальное государство; империя навсегда ушла в прошлое. А вот третья задача — создание развитой демократии как политической системы — пока не решена.

Но может быть, это не нужно? Может быть, демократия не подходит врожденным свойствам русских и других народов, ныне населяющих Россию? Думаю, это не так. Выше я приводил высказывания Б. Миронова, показывающие негатив-

ную роль крепостничества, и тут же доводы, высказывавшиеся многими авторитетами, о том, что без надзора и принуждения русские не могут. Считайте, в большей мере, чем другие народы. Между тем многие из них знали крепостное право, но от него избавились и выстроили у себя институты свободы и правопорядка.

В России перемены конца XX в. начались с попыток провести демократизацию. Для этого немало было сделано, причем с осторожностью, чтобы не вызвать у противников чрезмерно жесткой реакции. Все же августовский путч был такой реакцией, правда неудачной. Но следующее правление Б. Ельцина, больше ориентированное на рыночные реформы, не уделяло должного внимания демократическим преобразованиям. В Конституции 1993 г. президент получил чрезмерные полномочия, во всяком случае по мнению многих авторитетных экспертов.

В начале «нулевых» годов, уже при следующем президенте, конфликт между бизнесом и бюрократией был разрешен в пользу бюрократии, в законодательство были внесены изменения, которые еще больше ограничили демократические свободы. Короче, я бы сказал, выражаясь в терминах В. Меркеля и А. Круассана, что при режиме «дефектной» демократии и в настоящее время задача демократизации становится все более актуальной. Без этого трудно будет повысить эффективность рыночной экономики, сделать ее более конкурентоспособной.

Демократия — сложный политический механизм, требующий отлаженности и серьезных культурных изменений. Но он необходим России, и она может его построить.

Россия накануне подъема (вместо заключения)

Не так давно коллеги подготовили сборник моих трудов и пришли ко мне с просьбой дать ему название. В нем уже были слова «Российская экономика...». Просилось продолжение фразы с предупреждением об угрозах нового кризиса. Об этом пишут многие. А я добавил «накануне подъема».

Почему?

Во-первых, я оглядывал бегло историю России, изложенную выше, я тогда писал этот доклад. И мое впечатление таково, что

те процессы и события, которые нужно пережить стране, чтобы прийти до крупных культурных сдвигов и приобрести свойства, важные для жизни вблизи от современной технологической границы, нашей страной уже пережиты. Мы как бы выходим на финишную прямую. Надо взять последний барьер, обеспечить в стране верховенство права и достроить демократическую политическую систему. И возможности для подъема откроются. Они находятся в самом переходе от плановой к рыночной экономике, в открытии простора для энергии и инициативы предпринимателей и граждан, для ума и знаний ученых и изобретателей. Этот простор еще не открыт в должной мере.

Литература

- Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2008.
- Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? 3-е изд., испр. и доп. М.: Новое издательство, 2013.
- Васильев Л.С.* История Востока: в 2 т. Т. 1. М.: Высшая школа, 2003.
- Васильев Л.С.* Всеобщая история: в 6 т.: учеб. пособ. для вузов. Т. 1: Древний Восток и Античность. М.: Высшая школа, 2007.
- Вишневский А.Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.
- Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006.
- Киреевский И.В.* В ответ А. Хомякову // Киреевский И.В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979.
- Кларк Г.* Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира / пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.
- Ключевский В.О.* Соч. Т. 1–3. М., 1956–1958.
- Ливен Д.* Империя, история и современный мировой порядок // *Ab Imperio*. 2005. № 1.
- Липкин А.И.* «Духовное» и «политическое» «ядра» «локальной цивилизации» и их столкновение в истории России. Препринт WP17/2012/01. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.
- Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. Т. 1, 2. М., 1954.
- Малявин В.В.* Китайская цивилизация. М.: АСТ, 2001.
- Мартынов С.Д.* Государственный человек Витте. СПб.: Людовик, 2006.
- Машкин Н.А.* История Древнего Рима. М.: ОГИЗ, 1948.

- Мельянцева В.* Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М.: Изд-во Московского университета, 1996.
- Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): в 2 т. 3-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
- Мэддисон Э.* Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.
- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
- Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в древней Руси. СПб., 1907.
- Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910.
- Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2004.
- Пайпс Р.* Собственность и свобода. М., 2008.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* Русская система // Рубежи. 1996. № 3.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* Русская система: генезис, структура, функционирование (тезисы и рабочие гипотезы) // Русский исторический журнал. 1998. Т. 1. № 3.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* Русская система и реформы // *Pro et Contra*. 1999. Т. 4. № 4.
- Плимак Е.Г., Пантин И.К.* Драма российских реформ и революций. М.: Весь мир, 2000.
- Попов Г.Х.* Отмена крепостного права в России // Истоки. Вып. 2. М.: Экономика, 1990.
- Сидорович Г.П.* П.А. Столыпин: жизнь за Отечество. Саратов, 2002.
- Соколофф Ж.* Бедная держава / пер. с фр. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.
- Струве П.Б.* Наблюдения и исследования из области хозяйственной жизни и права древней Руси. Сб. Русского института в Праге, 1929. Развитие советской экономики. М.: Соцэкгиз, 1940.
- Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М.: Территория будущего, 2009.
- Удальцов А.Д., Косминский Е.А., Вайнштейн О.Л.* История средних веков. М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1941.
- Туган-Барановский М.И.* Основы политической экономии. 3-е изд. Петроград: Право, 1918.
- Федоров Б.Г.* Петр Аркадьевич Столыпин. М.: РОССПЭН, 2002.
- Хромов П.А.* Экономическая история СССР. Период промышленного и монополистического капитализма в России: учеб. пособ. М.: Высшая школа, 1982.
- Экономическая история: хрестоматия / отв. ред. А.Д. Кузьмичев, С.К. Никитина; сост. Л.И. Бородкин и др. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.

Научное издание

Евгений Григорьевич Ясин

Влияние культуры на модернизацию России

Подписано в печать 25.03.2014. Формат 60×88 1/16
Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 3,9. Уч.-изд. л. 3,1
Тираж 1000 экз. Изд. № 1754. Заказ №

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: +7 (499) 611-15-52